

ISSN 2312-332X

САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК

№ 1(33)

2023

**САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ
СБОРНИК**

**2023
№ 1(33)**

**Общественно-политический
и научный журнал**

Издается с 1997 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Самарский университет

© Самарский университет, 2023
© Самарский земский сборник, 2023
© Центр периодических изданий
Самарского университета,
оформление, 2023

*На обложке использована репродукция
из монографии-альбома В. Каркарьяна
«Самара – Куйбышев – Самара» (2004)
Доходный дом С.Г. Ратнера.
Улица Некрасовская (Предтеченская), 62*

**Главный редактор
П.С. Кабытов**

Редакционная коллегия

А.Н. Завальный
(заместитель главного редактора)
В.Н. Данилов
Э.Л. Дубман
Н.Н. Кабытова
В.В. Кондрашин
М.М. Леонов
Ю.Н. Смирнов

*Ответственный секретарь
О.Б. Леонтьева*

*Художественный редактор
Л.В. Крылова*

*Компьютерная верстка, макет
А.А. Борисовой*

Подписано в печать 16.09.2023. Формат 70x108/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Печ. л. 7.
Гарнитура «RaleighTT BT». Тираж 100 экз. Заказ □
Центр периодических изданий Самарского университета,
443086, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22а, тел. 334-54-06.
Отпечатано с готового оригинал-макета в цифровой типографии
ООО «Прайм». Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, д. 49.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тягун Д.Б.</i> О некоторых особенностях возникновения Казанской епархии	4
<i>Кривова Д.А.</i> Кабинет министров 1731-1741 гг.: источниковедческий аспект	7
<i>Аканина В.М.</i> Социальный портрет самарских врачей второй половины XIX – начала XX в.	10
<i>Кроз Т.В.</i> Освещение в печати деятельности комиссии по разработке законодательства о призрении под председательством К.К. Грота (1892-1897)	13
<i>Дворянов Н.О.</i> Образовательный уровень высшей партийно-советской номенклатуры 1917-1922 гг.	17
<i>Митяев Д.С.</i> История Гражданской войны в трудах историков Поволжья	21
<i>Елин В.И.</i> Музеи Самарской губернии в социокультурном пространстве 1920-х гг.	24
<i>Белянина А.А.</i> Дворцы и дома культуры в развитии социокультурной сферы г. Куйбышева (1930-1991 гг.)	27
<i>Романова В.Б.</i> Мероприятия по улучшению жилищных и бытовых условий рабочих куйбышевских предприятий Министерства авиационной промышленности в 1947-1948 гг.	30
<i>Труханов Р.О.</i> «От имени коммунистов»: письма Н.Д. Кузнецова руководителям СССР	33
<i>Ламонова А.А.</i> Борис Свойский – личность в истории куйбышевской кинохроники	37
<i>Афанасьева Д.А.</i> Североирландский конфликт в советской историографии: эволюция подходов, 1969–1991 годы	41
<i>Разумов Н.В.</i> Проявление феномена товарного дефицита в бытовой жизни советских граждан в период перестройки на примере города Куйбышев	45
<i>Абрашкин С.Н.</i> Работа с обращениями населения главы администрации Самарской области как форма диалога власти и общества в первой половине 1990-х гг.	47
<i>Николаев С.В.</i> «Высоцкий для меня как был на первом месте, так и остаётся»: Константин Титов о творчестве Владимира Высоцкого и ГМК-62	50
<i>Информация для авторов</i>	55

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ

Статья посвящена рассмотрению специфики возникновения и закрепления на присоединённых территориях бывшего Казанского ханства новой православной епархии. Изучение источников и исследований специалистов позволяет сделать вывод, что Казанская епархия стала олицетворением складывания новой системы конфессиональных отношений в регионе. Руководство митрополии способствовало формированию межнационального мира, законности и порядка. Оно много сделало для усиления власти и авторитета московского правящего дома.

Ключевые слова: Казанская епархия, идеология, административное деление, христианизация, новокрещёны, святитель Гермоген.

Новая страница в истории Казанской земли в составе России началась с большого и значимого события – победы войск Ивана IV Грозного при осаде Казани в конце лета – начале осени 1552 года [9]. Ещё со времён Василия III московскими церковными и светскими идеологами активно разрабатывалась доктрина «Москва – Третий Рим», которая включала целый ряд положений; в том числе и то, что «Казань – вотчина русских князей», и права царя на ханские владения легитимны [4, с. 63]. Взятие Казани было не просто актом присоединения новых плодородных земель, но и появлением значительного культурного и экономического региона в составе российского государства [8]. Первым своим указом Иван IV приказал разделить территорию Казанского ханства на две административные области – Казанский уезд, куда вошло всё левобережье, и Свияжский уезд – правобережье. Каждый из них подчинялся непосредственно Москве, и они были самостоятельны по отношению друг к другу. Для управления Казанской землёй был создан Приказ Казанского дворца. Он представлял собой универсальный орган, осуществлявший на присоединённой территории функции всех других отраслевых приказов, управлявших русскими землями [4, с. 144-145]. По «наказной памяти» Ивана IV от 1555 г. полномочия по управлению новыми землями были разделены между воеводой и казанским архиепископом. Воевода являлся начальником гарнизона и был наделён административной, фискальной и судебной властью. Таким образом были разделены светская и духовная власть, до этого не имевшие точных предписаний о своих полномочиях [2, с. 40-45].

Каким же образом возникла Казанская епархия? Отправной точкой стал город-крепость Свияжск (тогда Ивангород). Его основал Иван IV в 1551 г. как базу русских войск на время осады Казани. Был нужен не просто перевалочный пункт для отдыха и хранения провианта, но и защита от многочисленных разбойников в близлежащих

* © Тягун Д.Б., 2023

Тягун Диана Борисовна (dianatyagun2000@gmail.com), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

лесах. В том же году построили первый православный храм на Казанской земле, сохранившийся до наших дней, – деревянную Троицкую церковь. С этого момента началось постепенное становление православия на данной территории [7, с. 104]. Следующим шагом стало решение Московской епархии об объединении Казани и Свияжска в Казанскую епархию. Это произошло 3 апреля 1555 г., а первым святителем земли Казанской стал игумен тверского Селижарова монастыря Гурий (Руготин). Он отправился в Казань с архимандритами Варсонофием и Германом. Именно благодаря им Русская Православная церковь смогла укорениться на новых землях. Казанская епархия относилась к Московской митрополии и занимала среди восточно-русских епархий третье место после Москвы (митрополии) и Новгорода (архиепископии) [5]. Первоначально епархия включала территорию Казанского ханства с окрестными районами, завоеванными в 1552 г., и Вятскую землю. В 1556 г., после завоевания Астрахани, в епархию вошли все земли Среднего и Нижнего Поволжья, а во второй половине XVI – начале XVII в. – вновь присоединённые территории Урала и Сибири. В дальнейшем территория Казанской епархии стала сокращаться [9].

Особое место при рассмотрении истории становления Казанской епархии занимает религиозный вопрос. Основным документом, регулирующим этот вопрос, была «Наказная грамота» Ивана IV от 1555 г. Она представляла из себя своеобразную инструкцию для архиереев, где было прописано, что необходимо проявлять внимание и заботу к тем, кто принял крещение («обласкать, беречь во всём»), чтобы и остальные, в свою очередь, захотели стать православными. Для начала крестили служилых татар и местных мурз, так как они могли оказывать большое влияние на находящихся в их подчинении людей. Кроме того, им не только разрешалось сохранить свои старые земли в качестве наследственных, но и по мере выслуги получать новые. По отношению к остальным татарам на первых порах были приняты жёсткие меры, особенно к тем, кто уже был в опале. Однако, несмотря на меру проступка, всё равно был шанс на спасение: если обвиняемый решался принять православие, то его могли простить и отпустить. Однако с точки зрения современной этики это достаточно грубый приём, ведь во имя свободы человек предавал свою веру, что уже показывало весьма недемократичный характер христианизации [3, с. 149]. Так продолжалось до конца пребывания во главе епархии архиерея Германа. После него и до митрополита Гермогена многие руководители безответственно отнеслись к исполнению своих обязанностей. Сменилось уже несколько поколений, и местные татары, которые и так имели размытые представления о новой религии, не только всё забыли, но и «печалились» о том, что предали свою веру.

Если говорить о митрополите Гермогене, то ему не нравилось, что татары и черемисы (марийцы) с целью получения должностей при государевом дворе и жалования земель с крепостными крестьянами принимали православие, а потом нарушали свои клятвы, продолжая исповедовать ислам [1, с. 40]. Они не приходили на проповеди, которые были обязаны слушать, а самое главное – под их влиянием значительная часть принадлежащих им крестьян стали принимать веру своих хозяев, а мечети строились рядом с православными храмами и монастырями [1, с. 41]. Все попытки святителя исправить положение оказались тщетными (местные воеводы не хотели слушать его нареканий), и он пошёл на крайние меры – стал писать письма Фёдору Иоанновичу. В присланной из Москвы летом 1593 г. грамоте приказывалось от имени царя и по воле митрополита Казанского Гермогена исполнить их нижеуказанную волю: 1) «переписать всех новокрещёных с семьями и слугами...»; 2) «поселить новокрещёных в Казани особой слободой...»; 3) «отступников от христианства смирать темницами и оковами...»; 4) «мечети в Казани упразднить и впредь оных не

допускать»; 5) «русских у татар и немцев отобрать...»; 6) «впредь воспретить принимать христиан на жительство и в услужение» [1, с. 40-45]. Грамота царя Фёдора Иоанновича стала своеобразным продолжением «наказной памяти» Ивана IV, с той разницей, что первый документ носил рекомендательный, мирный характер. Этот же содержал жёсткие требования, не терпящие пререканий и промедлений [3, с. 156].

Впоследствии отношение к новокрещёным и к мусульманам менялось в зависимости от политики, проводимой тем или иным царём [6, с. 245]. Миссионерская работа продолжалась и позднее, регулируясь теми же указами на протяжении многих лет. Насколько успешно выполнялась эта программа и какие результаты она дала, сказать трудно. Источники не сохранили таких данных, а исследователи спорят до сих пор. Во всяком случае, во времена Гермогена о массовом и тем более принудительном обращении в православие говорить не приходилось, а жёсткие методы, подразумевавшие за собой лишение свободы, использовались лишь в крайнем случае [9].

В завершение статьи можно сделать следующие выводы: 1) столкновение с Казанским ханством было неизбежным; 2) складывание Казанской епархии было не просто важным решением в становлении православия на новоприсоединённых территориях, а являлось государственной программой, которая, совместно с местной администрацией в лице казанского воеводы, должна была стать олицетворением законности и порядка на Казанской земле и способствовать усилению власти Московского государя; 3) зачастую проводимая политика реализовывалась не просто исполнительными людьми, но и теми, кто радел за дело и искренне был убеждён в необходимости своих действий. Такими и были митрополиты Гурий, Варсонофий, Герман и Гермоген.

Библиографический список

1. Володихин Д.М. Патриарх Гермоген. М.: Молодая гвардия, 2015. 300 с.
2. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв.: Управление Казанским краем. Казань: Изд-во Казан ун-та, 1982. 223 с.
3. Загидуллин И.К. Социальные аспекты христианского просвещения новокрещённых в Казанском крае во второй половине XVI – начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. №8. С. 146-166.
4. История татар. Т. V: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань: Институт истории АН РТ, 2014. 1032 с.
5. Казанская и Татарстанская епархия // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 29. С. 134-196 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1319802.html> (дата обращения: 24.02.2017)
6. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013. 848 с.
7. Покровский И.М. Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 1. Казань: Центральная типография, 1897. 599 с.
8. Православие в Татарстане. – Информационно-просветительский сайт Татарстанской митрополии. [Электронный ресурс]. URL: <https://tatmitropolia.ru/eparhia/istoriya/> (дата обращения: 20.03.2018)
9. Тягун Д.Б. Святитель Гермоген во главе Казанской епархии // Самарский земский сборник: общественно-политический и научный журнал. 2021. № 1 (31). С. 25-27.

КАБИНЕТ МИНИСТРОВ 1731-1741 ГГ.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье представлены классификация и анализ групп источников по Кабинету министров 1731-1741 гг., занимавшему значительное место в системе государственных учреждений эпохи Анны Иоанновны; сделаны выводы о преобладающей функции Кабинета.

Ключевые слова: эпоха дворцовых переворотов, Анна Иоанновна, Кабинет министров, Сенат, коллегии, делопроизводственные материалы.

ольшую роль в царствование Анны Иоанновны играл Кабинет министров как орган верховного управления. Актуальность изучения Кабинета обусловлена тем фактом, что позволяет проанализировать степень эффективности процесса взаимодействия власти и общества во второй четверти XVIII в. Предполагаемое исследование Кабинета министров базируется на комплексе исторических источников, анализ которых является целью представленной работы.

Исходя из принятой классификации, источники можно разделить на несколько групп: законодательные акты, делопроизводственные материалы, а также источники личного происхождения.

Законодательные документы представляют собой акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи [10]. В целом законодательные материалы можно разделить на две важные подгруппы: именные указы – распоряжения самой императрицы, и сенатские указы – постановления Сената от его имени. Основная ценность законодательных документов заключается в том, что они позволяют восстановить четкую хронологическую картину принятия государственных решений в царствование Анны Иоанновны, а также дают возможность рассмотреть правовое положение изучаемых государственных учреждений. В качестве недостатка этой группы документов можно назвать то, что механизмы функционирования государственных органов на практике могли сильно отличаться от официального законодательства.

На нашу оценку законодательства данного периода как важнейшего источника для изучения деятельности Кабинета повлияло мнение современного исследователя В.А. Томсинова, осуществившего его скрупулезный анализ [3].

Делопроизводственные материалы составляют следующую группу источников. Среди них особо стоит выделить внутреннюю документацию самого Кабинета министров, зафиксированную в «Бумагах Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731-1740 гг.». Эти материалы были опубликованы в сборниках Императорского русского исторического общества (далее – СИРИО) под редакцией А.Н. Филиппова

* © Кривова Д.А., 2023

Кривова Дарья Анатольевна (dariya4191@mail.ru), аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

в начале XX в. [1]. Они включают в себя журналы Кабинета и приложения к ним. В журналах присутствует информация о ходе заседаний Кабинета. Приложения к журналам содержат именные указы, высочайшие резолюции, доношения, челобитные, доклады Сената и т.д. Таким образом, по этой группе материалов можно увидеть перечень основных вопросов и определить, насколько эффективно члены Кабинета справлялись с делами, находившимися в ведении этого органа власти.

Любопытно, что первый том, фиксирующий деятельность Кабинета за 1731-1732 гг., практически не содержит сведений, что исходящие из Кабинета именные указы и высочайшие резолюции состоялись именно в этом государственном органе. Во втором и третьем томах, где собрана информация за 1733-1734 гг., уже появляются предложения и копии писем самих кабинет-министров, а также их первые сообщения. Следующие тома, отражающие работу Кабинета за 1735, 1736, 1737 гг., фиксируют рост полномочий министров, увеличение их влияния в связи с июньским указом 1735 г. о приравнивании подписей министров к подписи государыни. В это время большое распространение получают такие формы документации, как указы, рескрипты и резолюции министров. Работа Кабинета за 1738 г., изложенная в седьмом и восьмом томах, отражает дальнейший рост объема документации, которой должен был заниматься Кабинет. В дальнейшем, в 1739 г., документация которого в связи с ее большим объемом разделена на девятый и десятый тома, можно проследить заметное усиление влияния министра А.П. Волынского, часто оставлявшего самостоятельное мнение по каким-либо вопросам заседания. Документы Кабинета за 1740 г., представленные в одиннадцатом и двенадцатом томах, дают понять, что Кабинет уже не справлялся с таким серьезным объемом задач и часто отдавал их на усмотрение Сената.

Еще одну подгруппу делопроизводственных документов составляют «Журналы и определения Правительствующего сената» за период с 1732 г. по 1741 г. [2]. Поскольку важнейшим аспектом работы Кабинета были его взаимоотношения с Сенатом, имеет смысл обратиться и к сенатскому делопроизводству. Сенатские журналы, подобно делопроизводству Кабинета, также содержат информацию о ходе обсуждения вопросов и участниках заседаний. Преимущественно они позволяют восстановить пробелы в деятельности Кабинета (в особенности – за 1741 г.), дополнить известную информацию новыми фактами.

Значимую группу источников составляют источники личного происхождения. Среди них можно выделить мемуары, которые оставили как отечественные государственные деятели, так и иностранцы на службе в России. Несколько особняком стоят «Замечания на записки г. Манштейна» [8], принадлежащие анонимному автору.

К первой подгруппе можно отнести записки И.И. Неплюева [9], князя Я.П. Шаховского [4]. При анализе мемуаров стоит учесть, что многие характеристики зависели от принадлежности авторов к определенной придворной группировке. Так, мемуары Шаховского субъективны потому, что князь являлся клиентом министра А.П. Волынского и надеялся на дальнейшее продвижение при дворе за счет него.

Ко второй подгруппе относятся мемуары иностранцев, оставшихся на службе в нашей стране. Это мемуары фельдмаршала Б.Х. Миниха [6], его сына Э. Миниха [7], его адъютанта К.Г. Манштейна [5]. Опираясь на эти источники, нужно помнить, что они носят субъективный характер. К примеру, Б.Х. Миниху всегда было свойственно стремление опорочить своих соперников по политической элите, а также несколько преувеличить свое участие в делах государства.

Таким образом, изучение охарактеризованной выше источниковой базы позволяет рассмотреть место Кабинета министров в системе государственных учреждений второй четверти XVIII в. Стоит отметить, что наибольшее значение при написании исследования имеет делопроизводственная документация, анализ которой позволяет

сделать вывод, что основной функцией Кабинета являлся контроль над всем государственным аппаратом.

Библиографический список

1. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731-1740 гг. // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 103, 105, 108, 113, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146. Юрьев: Типогр. К. Маттисена, 1897-1915.
2. Журналы и определения Правительствующего Сената // Сенатский архив. Т. 3-5. СПб.: Сенатская тип., 1890-1892.
3. Законодательство императрицы Анны Иоанновны / Составитель и автор вступительной статьи В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. 238 с.
4. Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1891. 364 с.
5. *Манштейн К.Г.* Записки о России. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. 397 с.
6. *Миних Б.Х.* Очерк управления Российской империей // Перевороты и войны. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 273-318.
7. *Миних Э.* Записки // Безвременье и временщики. М.: Изд. центр "Терра", 1996. С. 81-187.
8. *Неизвестный автор.* Замечания на «Записки о России генерала Манштейна» // Перевороты и войны. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 411-488.
9. *Неплюев И.И.* Записки // Империя после Петра 1726–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 387-441.
10. Полное собрание законов Российской империи, изд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 4-11.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ САМАРСКИХ ВРАЧЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

В статье рассматриваются личности наиболее выдающихся врачей Самарской губернии второй половины XIX - начала XX в., предпринята попытка создания обобщенного социального портрета врачей Самарской губернии данного периода.

Ключевые слова: врач, социальный портрет, образование, медицинские знания, помощь населению, Самарская губерния.

рачи всегда играли огромную роль в обществе. Важность и сложность их деятельности с древности сформировали особый образ врача в обществе. В художественной и научной литературе, в источниках личного происхождения можно найти яркие образы российских врачей XIX – начала XX века, людей прекрасно образованных, передовых, все силы отдававших служению науке и обществу.

Главная составляющая социального портрета врача – это уровень образования. Почти все самарские врачи были приезжими специалистами, получившими медицинское образование в Казанском, Московском, Харьковском, Томском и др. университетах, были и врачи-иностранцы [1, с. 14].

Высшее образование способствовало формированию гражданских и политических воззрений врачей, их профессиональных качеств [4]. После окончания учебы многие врачи строили карьеру как в Самарской губернии, так и в других губерниях и даже странах. Так, Ю.Б. Укке, немец по национальности, являлся главным врачом Самары с 1852 г., по специальности был врачом-психиатром, окончил Дерптский университет. В 1857 г. Укке был назначен главой Самарской врачебной управы вместо вышедшего в отставку хирурга и доктора медицины Э.К. Финке и возглавлял самарскую медицину вплоть до 1881 г. Знаменитый создатель кумысолечебницы Н.В. Постников учился в Москве, где закончил медицинский факультет Московского университета в 1846 г. [5]. Он прошел путь от врача-терапевта до доктора медицины в Самаре. В 1869 г. на должность главврача заступает «светлая, честная, гуманная личность, чуть не идеал благородных стремлений» [8, с. 54] – М.В. Кулаевский, который закончил Казанский университет и являлся доктором медицины. Кулаевский был главврачом и заведующим психиатрическим отделением.

Один из самых известных в Самаре врачей, ученых, теоретиков и практиков земской медицинской работы, В.О. Португалов, учился в Харьковском и Киевском университетах на медицинских факультетах, закончил Казанский университет. В Самаре занимал в разные годы должность главного врача и санитарного врача. Врач Е.А. Осипов поступил в Казанский университет на филологический факультет, но вскоре перевелся

* © Аканина В.М., 2023

Аканина Вероника Михайловна (veronika.isheikina@yandex.ru), бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

на медицинский. Работал врачом в Самаре, а после этого стал руководителем Московской земской санитарной организации. Однокурсником Осипова был И.И. Молленсон – один из организаторов земской медицины, который работал земским врачом в Самаре, занимал должность главного врача в других губерниях. И.Х. Дзирне окончил Императорский Рижский лицей, затем Дерптский университет, работал в Санкт-Петербурге и многих европейских городах. Начинал он ассистентом врача, дослужился до профессора и руководителя множества больниц, военных госпиталей, клиник и отделений не только в России, но и за рубежом. В Самаре Дзирне был заведующим 1-м хирургическим отделением губернской больницы. Врач В.М. Рожанский окончил дворянский Нижегородский институт, учился в Киевском университете. Работал врачом и преподавателем, прошел путь до доктора медицины.

Иными словами, все врачи Самары имели прекрасное образование, многие из них были докторами медицины, профессорами. С целью повышения профессиональной квалификации врачи Самарской губернии периодически направлялись на научные стажировки в лучшие медицинские центры страны.

Другой чертой социального портрета самарских врачей стоит считать постоянное распространение медицинских знаний, новаторство и научный поиск. К врачам-новаторам относится Ю.Б. Укке, который открыл первое специальное психиатрическое отделение при Самарской губернской больнице. Ю.Б. Укке создавал и публиковал программы гигиенических исследований и статьи в местной газете. Н.В. Постников прославился на всю Европу организацией кумысолечения в Самаре. В.О. Португалов занимался изучением причин заболеваемости населения губернии теми болезнями, которые сопровождались наиболее высокой смертностью больных. Он был автором фантастичного для России термина «социальная гигиена». Обладая широкими знаниями, Португалов написал более двух сотен статей и научных работ [7]. Именно он выступил с предложением о строительстве новых больничных помещений за городской чертой, которое и было реализовано (ныне городская больница им. Н.И. Пирогова). В Самаре врач Португалов завершил работу над крупным трудом «Вопросы общественной гигиены». Во второй половине 70-х гг. XIX века по инициативе известного врача Е.А. Осипова в губернии стал внедряться участковый принцип обслуживания населения.

И.Х. Дзирне впервые в истории самарской хирургии в 1897 г. провел операцию на щитовидной железе при зобе. Именно он положил начало выполнению технически сложных хирургических вмешательств на органах эндокринной системы. Особую лепту в развитие самарской медицины внес врач Н.А. Семашко, который точно определил надвигающуюся вспышку эпидемии сибирской язвы в 1901-1902 гг. и сделал все возможное для предупреждения ее распространения на территории Самарской губернии. Сейчас в его честь названа одна из больниц Самары. Известный самарский врач Э.Г. Эрн был библиотекарем Общества врачей Самарской губернии, казначеем Самарского отделения Санкт-Петербургского Общества взаимопомощи врачей.

Помимо деятельности, связанной непосредственно с медициной и врачеванием, у медиков было множество занятий, связанных и с политикой, и с общественной деятельностью. Практически все самарские врачи были членами различных обществ и съездов врачей. При М.В. Кулаевском, в 1872 г., в Самаре открылся первый съезд врачей губернии. Председателем съезда стал Укке, а секретарем – врач-педиатр Португалов.

В 1882 г. в Самаре для обмена научными знаниями и опытом было открыто Общество врачей Самарской губернии, куда вошли все врачи Самарской губернии. Общество распространяло в народе здравые понятия по предметам общей и частной

гигиены, используя публичные лекции и выпуск популярной литературы. С аналогичными целями в 1890 г. был создан больничный Совет при губернской земской больнице.

Невозможно создать полный социальный портрет самарских врачей, не охарактеризовав их материальный достаток. Условия работы и быта врачей в Самаре улучшаются с созданием земств, жалование врача достигает 1000-1500 руб. в год [2, с. 116]. Второй врач, должность которого была введена в 1866 г., получал годовое жалованье в 257 руб. Например, при Н.В. Постникове такую должность занял доктор Л.И. Савицкий [6, оп. 13, д. 1461, л. 1-14]. В 1874 г. старший врач за свою работу получал жалованье 1800 руб. [3, с. 13]. На рубеже XIX – XX вв. жалование врача достигает 2200-2400 руб. в год. Некоторым врачам для проживания предоставлялась меблированная квартира с отоплением, другие нанимали частное жилье, не всегда комфортное [8]. Рабочий день врача длился обычно около 10-12 часов, не считая экстренных вызовов и приготовления лекарств.

Самарские врачи являлись и преподавателями. Они обучали будущих фельдшеров и акушеров на базе Самарской губернской земской больницы. Жалованье врача, преподающего в земской фельдшерской школе, в начале XX в. составляло от 2 до 4 тыс. руб. в год.

Таким образом, составляя собирательный портрет самарского врача, стоит отметить высокий уровень образования. Практически каждый врач Самары в XIX-XX в. был заинтересован в улучшении медицины, постоянно учился. Самарские врачи представляли собой отдельную социальную группу со своим собственным менталитетом. Общими у всех врачей являются такие характеристики, как чуткость, гуманность. Большинство самарских врачей были интеллектуалами, интересовались музыкой и искусством, некоторые публиковали статьи и заметки. Материальный достаток самарских врачей позволял отнести их к состоятельным слоям общества, но при этом врач был перегружен обязанностями. Много сил самарские врачи добровольно тратили на научную и общественную деятельность. Помимо основной работы с больными врачи принимали активное участие в работе профессиональных и общественных организаций. Врачи Самары хорошо знали свое дело, качественно выполняли свою работу не только по лечению пациентов, но и по просвещению общества.

Библиографический список

1. Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1874. Самара: Губ. Тип., 1874. 2, 4, 140, 68, 242 с.
2. Корнеева Ю.В., Макарова Н.В. Культура здоровья населения Среднего Поволжья в XIX веке // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С.114-117.
3. Котельников Г.П., Гридасов Г.Н., Федорина Т.А. и др. История здравоохранения Самарского края (1746-2010 гг.). Самара: ООО «ДСМ», 2014. 184 с.
4. Кузьмин В.Ю. Земская медицина и высшее медицинское образование в России XIX-начала XX веков. Самара, 2019.
5. Мойсеев П.Л. Нестор Васильевич Постников – пионер кумысолечения. Самара: СА-МЕКО, 1996. 69 с.
6. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.1.
7. Шершевский Г.М. Начало Самарской медицины // Самарский краевед. Историко-краеведческий сборник. Ч. 1 / Сост. А.Н. Завальный. Самара: Кн. изд-во, 1991. С. 46-60.
8. Якушкин П.И. Сочинения. СПб.: В. Михневич, 1884. 2, 6, 6, CVI, 709 с.

ОСВЕЩЕНИЕ В ПЕЧАТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ ПО РАЗРАБОТКЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРИЗРЕНИИ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ К.К. ГРОТА (1892-1897)

Цель статьи – проанализировать особенности освещения в периодической печати деятельности комиссии по реформе законодательства по общественному призрению и рассмотреть мнения различных социальных групп о направлениях развития благотворительности в конце XIX века.

Ключевые слова: благотворительность, нищенство, общественное призрение, социальное законодательство, К.К. Грот.

Конец XIX века в России является значимым этапом в развитии дела общественного призрения. В это время резко увеличивается количество благотворительных учреждений, направленных на оказание помощи самым разным категориям нуждающихся – к 1902 году их насчитывается более 19 тыс. [2, с. 5], однако перепись 1897 года регистрирует 363 201 человек, живущих только за счет нищенства [16, с. 156]. Таким образом, в конце XIX столетия перед обществом и государством встает вопрос: почему же при значительном количестве благотворительных учреждений в стране так широко развито нищенство?

По мнению К.К. Грота, выдающегося государственного и общественного деятеля, в конце XIX века наиболее сильно проявляются недостатки организации благотворительности в России: «при таком числе ведомств и отсутствии общего центра дело призрения не имело соразмерности ни в действии своих, ни в средствах, ни единства в целях» [8, с. 431]. Проблема особенно обострилась во время голода 1891-1892 гг., когда отсутствие единой системы призрения сделало невозможным организацию помощи без создания временных органов.

В этих условиях Константин Карлович Грот, на тот момент возглавлявший попечительство о слепых, в конце 1891 г. выступил с инициативой реформы законодательного регулирования общественного призрения. В октябре 1892 г. на высочайшем уровне было решено организовать комиссию, целью которой было уточнение предметов ведения частной, общественной и государственной благотворительности. Комиссию составили видные общественные деятели и высшие государственные чиновники, всего – 15 человек [4, с. 1].

Спустя полгода после начала работы комиссии, 5 июня 1893 г. состоялось заседание, где обсуждался разработанный проект. В нем была принята точка зрения, что государственное призрение должно быть обязательным делом правительства, при этом ограничиваться пределами безусловно необходимой помощи [12, с. 342]. Для покрытия издержек на призрение комиссия проектировала создание государственного фонда, пополняющегося из налога, обязательного для всего населения импе-

* © Кроз Т.В., 2023

Кроз Татьяна Владимировна (t.kroz@yandex.ru), бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

рии; была спроектирована система попечительств трех уровней: городские и сельские, уездные, губернские попечительства, а также центральное ведомство, объединяющее работу всей системы попечительств [5, с. 425].

Тезис о государственном значении общественного призрения сразу стал камнем преткновения в работе комиссии, так как против него решительно восстали некоторые ее члены. Во второй половине 1893-1894 гг. основания проекта дорабатывались. В это время дискуссия об основаниях реформы общественного призрения стала привлекать внимание общественности.

С момента учреждения комиссии под председательством К.К. Грота информация о ней публиковалась в периодической печати. Наиболее активную деятельность по освещению работы комиссии вел один из ее членов, редактор журнала «Детская помощь», протоиерей Г.П. Смирнов-Платонов. Журнал являлся печатным органом «общества попечения о неимущих детях в Москве», издавался два раза в месяц в Москве в период с 1885 по 1894 г. На момент образования комиссии только в «Детской помощи» систематически печатались материалы о работе комиссии: проекты устройства призрения, материалы заседаний, мнения губернаторов и общественных деятелей и многое другое. Г.П. Смирнов-Платонов был ярким сторонником идеи государственного призрения и образования центрального органа благотворительности. Однако, несмотря на содержательность журнала, он так и не смог стать популярным среди читателей и в 1894 г. из-за финансовых трудностей прекратил свое существование.

Проблему реформирования социального законодательства затрагивали крупные газеты и журналы. Самыми обсуждаемыми положениями были: желательное соотношение государственной, частной и общественной благотворительности; источник средств для благотворительности; эффективность так называемой «трудовой помощи» и роль церковных приходов в организации помощи нуждающимся.

В основном в периодической печати – например, в либеральных «Русских ведомостях», более консервативных «Московских ведомостях» и «Новом времени» – можно было встретить статьи, сочувствующие делу комиссии и выражающие надежду, что реформа в области общественного призрения поможет избавить столичные города от огромного количества нищих [7; 14, с. 254; 11]. Однако не все издания разделяли тезис о возможности устройства в России государственного призрения. Особняком стоял либеральный журнал «Вестник Европы»: его редактор М.М. Стасюлевич был членом комиссии К.К. Грота и «решительно восстал против принятой в докладе подкомиссии постановки», находя в самом сочетании слова «государственное призрение» *contradiction in adjective* – идея государственного призрения противоречила либеральным принципам, а проект в целом представлялся ему недоработанным [3].

В конце XIX столетия было распространено мнение, что система государственного призрения может иметь право на существование, только если помощь, которая оказывается нуждающимся, отличается «суровостью формы». Как указал в своей «Записке» о проекте реформ один из членов комиссии, В.И. Герье, «если гарантировать мужика от голодной смерти, то это окончательно дезорганизует народ и превратит Российскую империю в громадный приют для тунеядцев» [13, с. 81]. Учитывая подобную угрозу, консервативные издания – например, «Московские ведомости» и «Гражданин» – разделяли взгляд, что самым эффективным способом оказания помощи, отличающейся «суровостью», является «трудовая помощь», то есть система учреждений, «которые не дают призреваемым, способным к труду, возможности проводить время в праздностях, а дают работу, которая хотя бы частично окупала бы расходы по призрению» [14, с. 254; 15, с. 229].

Как было упомянуто, комиссия К.К. Грота проектировала систему государственного призрения, основывая ее на организации участковых попечительств трех уровней. Однако и это основание проекта подвергалось критике прежде всего со стороны православного духовенства, избирающего самой мелкой единицей призрения церковноприходские попечительства. Так, по мнению томского духовенства, нищие, приписанные к церкви, должны подлежать ведению попечительства этой церкви и знать одно место для просьбы о подавании, а для сокращения числа нищих предполагается избрать из среды нищих общинного старосту, которому и вручить кружку [1, с. 14]. Как указывал член комиссии П.И. Георгиевский, приходские попечительства не могут быть приняты за основу системы из-за позиции духовного ведомства, которое не желает ставить приходские попечительства «хотя бы в совершенно незаметно зависимое положение от общественного управления» [6, с. 409].

Таким образом, деятельность комиссии по реформированию законодательства о призрении бедных не осталась без внимания общественности. Период наибольшего внимания к трудам комиссии относится к 1893-1894 гг., когда были представлены проекты системы общественного призрения, которые и стали главным предметом обсуждения в периодической печати. Во многом привлечению внимания к трудам комиссии способствовали те обстоятельства, что многие ее члены были редакторами или корреспондентами каких-либо изданий. Немаловажен также факт, что проекты комиссии специально рассылались наиболее видным общественным и государственным деятелям для того, чтобы получить их мнение по основаниям организации призрения.

Но в то же время нельзя сказать, что дискуссия об основаниях проекта призрения имела широкий общественный резонанс. За два года ее члены смогли выработать только общие основания проекта реформ, поэтому к концу 1894 года публикаций о деятельности комиссии становится все меньше. В этом же году закрывается журнал «Детская помощь», поэтому систематическая публикация материалов комиссии также прекращается. В 1895-1896 гг. деятельность комиссии разворачивается в направлении изучения местных материалов о состоянии благотворительности, на основе которых планировалось подготовить заключительный проект, выработку которого, однако, не суждено было завершить. К.К. Грот периодически недомогал и в марте 1897 г. получил Высочайшее соизволение на освобождение от председательства по болезни, одновременно труды комиссии были прекращены, а материалы переданы в Министерство внутренних дел.

Однако в 1897 году в журнале «Вестник благотворительности», созданном ведомством детских приютов учреждений императрицы Марии, выпускается ряд историко-критических очерков о деятельности комиссии [9; 10; 13]. Это был последний всплеск интереса печати к попытке реформы законодательства о призрении бедных, предпринятой Комиссией К.К. Грота.

Подводя итог, можно сделать вывод, что попытка реформирования социального законодательства, предпринятая по инициативе К.К. Грота, не осталась без внимания общественности. В периодической печати велись споры по самым разным теоретическим вопросам реформы общественного призрения. Значение трудов комиссии в том, что ее члены пытались осмыслить современное им состояние общественного призрения и изменить систему оказания помощи нуждающимся. Споры вокруг вопросов о желательном соотношении государственной, частной и общественной благотворительности, роли церкви в организации помощи нуждающимся, значении трудовой помощи показывают, как разные социальные группы смотрели на дело благотворительности в конце XIX века.

Библиографический список

1. Архипастырская беседа Преосвященного Макария с градо-Томским духовенством // Томские Епархиальные Ведомости. 1892. № 10. С. 11-14.
2. Благотворительность в России. В 2 т. Т. 1. СПб.: Типо-литография Н.Л. Ныркина, 1907. 742 с.
3. Вестник Европы. 1893. Т. 5. Кн. 9. Сентябрь. С. 403-411.
4. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра действующих законов о призрении бедных // Детская помощь. 1893. № 2. С. 1-37.
5. Высочайше учрежденная Комиссия для пересмотра действующих законов о призрении бедных. Свод положений Подкомиссии по общим вопросам об организации призрения бедных // Детская помощь. 1893. № 12. С. 336-342.
6. *Георгиевский П.И.* Проекты новых благотворительных учреждений // Детская помощь. 1894. № 17. С. 408-412.
7. Заметки об общественном призрении. М.: Тип. "Рус. Вед.", 1893. 87 с.
8. Константин Карлович Грот как Государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Материалы для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения. Т. 1. Пг.: Тип. "М.А. Александрова", 1915. 8, 446, 84 с.
9. *Максимов Е.Д.* Законодательные вопросы общественного попечения о бедных // Вестник благотворительности. 1897. № 6. С. 22-32; № 7. С. 15-26; № 8. С. 41-53; № 9. С. 20-34; № 10. С. 11-21; № 12. С. 18-31.
10. Московские письма // Вестник благотворительности. 1897. № 1. С. 41-49; № 4. С. 56-63.
11. Новое время. 18 ноября 1892 года. [Электронный ресурс] URL: <https://www.retronews.fr/journal/novoe-vremja/18-nov-1892/4466/5503296/3> (дата обращения: 28.05.2023)
12. О третьем заседании Комиссии. Москва, 15 июня 1893 // Детская помощь. 1893. № 12. С. 342-344.
13. *Сперанский С.* Труды правительственной комиссии по реформе действующего законодательства о призрении бедных. Историко-критический обзор. I // Вестник благотворительности. 1897. № 3. С. 71-94; № 8. С. 26-41.
14. Среди газет и журналов // Детская помощь. 1893. № 11. С. 323-330.
15. Среди газет и журналов // Детская помощь. 1893. № 9. С. 252-257.
16. *Степанов В.В.* Нищенство // Общественное и частное призрение в России. 1907. С. 156-161.

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ
ВЫСШЕЙ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ
1917-1922 ГГ.**

В данной статье рассматриваются вопросы о критериях, которые определяли принципы подбора и расстановки руководящих кадров в партийно-государственных структурах высшего звена периода становления Советского государства. Основное внимание уделяется анализу образовательного уровня членов ЦК РСДРП(б)/РКП(б) и СНК, что позволяет судить о степени их компетентности в государственном управлении.

Ключевые слова: установление советской власти, образовательный уровень политической элиты, партийно-советская номенклатура, кадровая политика большевиков.

Главными задачами данной статьи являются рассмотрение образовательного уровня партийной революционной элиты, роли образовательного уровня как критерия назначения на руководящую должность, и анализ тех условий, в которых формировалась высшая партийно-советская номенклатура на этапе становления советской власти с 1917 по 1922 г.

В период утверждения советской власти необходимо было сформировать на всех уровнях новый управленческий аппарат. На первых порах в структурах советской власти сохранялась внушительная доля царских чиновников. Однако постепенно их начали заменять карьеристами, которые должны были соответствовать следующим критериям: состоять в партии, быть не «буржуазного происхождения». При этом учитывалась подпольная революционная деятельность претендентов и нахождение в рядах Красной Армии в период Гражданской войны [2, с. 91]. Список кандидатур в СНК утверждался 25-26 октября 1917 года. А.В. Луначарский отмечал, что «подобрать членов будущего Совнаркома – “руководителей обновленной России” было нелегко» [4, с. 47]. Другой нарком, Г.И. Оппоков-Ломов, писал, что в СНК было много «прекраснейших высококвалифицированных работников», которые, однако, не умели управлять государством [9, с. 171-172]. Как бы большевики ни пытались внушить населению тезис о том, что правительство состоит из рабочих и крестьян, на деле должности в нем «в значительной мере были заняты интеллигентной и полуинтеллигентной верхушкой правящей партии, а не рабочей ее части» [1, с. 175]. Луначарский позже признавался, что выбор людей в СНК был слишком случаен и он боялся большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, на что Ленин отвечал: «если окажутся негодными – сумеем переменить» [4, с. 48]. Собственно, именно Ленин искал кандидатов в наркомы и на ответственные посты, и уже после этого ЦК назначал людей [4, с. 54]. И, хотя в

* © Дворянов Н.О., 2023

Дворянов Никита Олегович (dvor20012@gmail.com), бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

самой разной литературе иногда утверждается, что «первое правительство большевиков было самым образованным», на деле это не соответствовало реальности [11, с. 28].

Состав СНК на начальном этапе не был постоянным, наркомы часто менялись, создавались новые должности; также в декабре 1917 года большевики были вынуждены идти на уступки и приняли в правительство представителей левых эсеров, что, конечно же, сказалось на образовательном уровне членов СНК [3, с. 20-21; 7, с. 550-564]. В марте 1918 года из-за разногласий, возникших по поводу обсуждения сепаратного мира с Германией, левые эсеры вышли из советского правительства. Таким образом, установилась однопартийная диктатура, которая соответствовала взглядам большевиков [6, с. 153]. С 1917 по 1922 год через СНК прошло много людей, поэтому здесь будут представлены статистические данные о численности людей с разным образовательным уровнем в составе Советского правительства разных лет (Табл. 1):

Таблица 1
Образовательный уровень членов СНК с 1917 по 1922 гг.¹

Уровень образования	Высшее образование	Среднее образование	Между средним и начальным образованием	Начальное образование	Без образования	Неизвестно	Всего
Численность	28	20	5	6	1	2	62

В.И. Ленин писал в 1919 году о том, что страной управляет очень «тонкий слой передовых рабочих и коммунистов», т.е. квалифицированных управляющих не хватало, поэтому на должности брали «мало-мальски грамотных людей, чья некомпетентность зашкаливала» [1, с. 176; 14, с. 30-32]. Позднее он же писал, что первоочередная задача СНК – «не декреты, не реорганизации, а подбор людей; установление индивидуальной ответственности за делаемое <... > Иначе из бюрократизма и волокиты, которые нас душат, не вылезть» [8, с. 369-370]. В апреле 1923 года Л.Б. Красин на XII съезде РКП(б) высказывался о том, что в наркоматах лишь несколько десятков людей способны разбираться в хозяйственных делах, за что был подвергнут критике [1, с. 189].

Партийным исполнительным органом РСДРП(б)-РКП(б) был Центральный Комитет. С июля-августа 1917 по март-апрель 1922 г. состоялось шесть съездов партии, которые определяли политику большевиков. Состав ЦК постоянно менялся, что сказывалось на революционной партийной элите; так, за эти 5 лет в съездах участвовало 78 человек (кандидатов и полномочных членов) [10, с. 21-22]. «Случайных» людей в ЦК почти не было. Хотя в состав этого органа партии люди попадали по итогам выборов, В.И. Ленин и его ближайшие соратники всегда имели проект состава или список кандидатов, как это было, например, в 1919 году, когда список кандидатов был не только подготовлен, но и утвержден еще до «голосования» на съезде [10, с. 25]. Показателен также другой пример, когда на X съезде Ленин и его единомышленники (известные как «десятка») сформировали ЦК по собственному желанию, и претенденты, согласившиеся с «политической платформой десяти», были одобрены [10, с. 26].

¹ Исторический интернет-проект ХРОНОС. Биографический справочник. Указатель имён. URL: <http://www.hrono.ru/biograf/index.php> (дата обращения: 13.02.23); Циркулярное письмо ЦК РКП(б) ко всем партийным организациям и членам партии об укреплении рядов РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917-1924. М.: Политиздат, 1983. С. 62-64.

Однако стоит отметить, что в первые годы советской власти кадры часто перебрасывались с одной должности на другую, а чиновники могли занимать несколько постов одновременно. Обновление кадров ЦК происходило каждый год, и за период с 1917 года по 1922 год в среднем состав ЦК менялся на 30% за год, что свидетельствует о начальном этапе процесса формирования политической элиты [10, с. 25]. Последующее жесткое в плане регламентации продвижения по карьерной лестнице бюрократическое устройство сформируется позже.

Таблица 2

Образовательный уровень представителей ЦК по съездам²

№ съезда	Высшее	Среднее	Между средним и начальным	Начальное	Без образования	Неизвестно	Всего
VI	9	13	1	6	0	0	29
VII	8	8	2	4	1	0	23
VIII	7	9	6	4	0	1	27
IX	6	11	5	7	2	0	31
X	3	16	5	13	1	2	40
XI	5	16	4	17	1	3	46

Таблица 3

Образовательный уровень всех представителей ЦК за 1917-1922 гг.³

Уровень образования	Высшее	Среднее	Между средним и начальным	Начальное	Без образования	Неизвестно	Всего
Численность	15	25	8	23	2	5	78

Каков же был образовательный уровень революционной элиты 1917-1922 годов и каким образом он влиял на членство в ЦК? В данной статье будут представлены данные по отдельным съездам партии (Табл. 2) и сводные данные (Табл. 3):

Как видно из приведенных данных, образовательный уровень не был критерием выбора человека в состав ЦК, ибо как тогда объяснить, что в нем были люди с начальным образованием или вообще без образования? ЦК был средоточием высшей партийной элиты, но ее не объединяло ни социальное происхождение, ни образовательный уровень, так как группа была неоднородной. Единственный признак, по которому их можно объединить, это участие в революционном движении. От продолжительности участия и вклада в революционное дело зависело местоположение и возможность продвижения во властной иерархии [10, с. 62]. Позже, с 20-х годов XX века, продвижение по службе, оценка деятельности служащего будет зависеть от воли вышестоящего начальника, но в первую очередь учитывалось мнение «руководящей и направляющей силы» в государстве – партийного аппарата [1, с. 197].

Также стоит отметить тот факт, что, например, в 1922 году только пять руководителей наркоматов входили в состав ЦК, и только 9% членов ЦК занимали руководящие должности в центральных советских органах. На тот момент руководство страной все еще находилось в руках центрального государственного аппарата [10, с. 27].

² Исторический интернет-проект ХРОНОС. Биографический справочник. Указатель имён. URL: <http://www.hrono.ru/biograf/index.php> (дата обращения: 13.02.23); Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898 – 1991. URL: https://web.archive.org/web/20171121070855/http://knowbysight.info/2_KPSS/08980.asp (дата обращения: 13.02.23).

³ Исторический интернет-проект ХРОНОС. Биографический справочник. Указатель имён. URL: <http://www.hrono.ru/biograf/index.php> (дата обращения: 13.02.23); Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898 – 1991. URL: https://web.archive.org/web/20171121070855/http://knowbysight.info/2_KPSS/08980.asp (дата обращения: 13.02.23).

Подводя итоги, отметим, что в ходе утверждения советской власти происходило формирование партийной элиты. Критериями для продвижения в верхние эшелоны власти была революционная деятельность и преданность большевистской партии. Социальное происхождение, национальность или образовательный уровень не являются теми признаками, по которым можно объединить партийно-советскую элиту, поэтому на вершине власти могли быть русские, поляки или евреи, дворяне, крестьяне или рабочие, доктора наук, люди со средним образованием или вообще без образования.

Политическая элита Советской России в 1917-1922 годах формировалась исходя из взглядов и предпочтений руководства РСДРП-ВКП(б), голосование на съездах партии по принятию новых людей в состав ЦК было фиктивным, списки членов и кандидатов ЦК составлялись и принимались заранее. Состав СНК определялся схожим образом, только с той разницей, что нахождение в правительстве было менее перспективным с точки зрения продвижения по иерархической лестнице, чем нахождение в составе ЦК, так как съезды ЦК определяли политику Советской России. Образовательный уровень претендентов не был определяющим критерием при выборе кандидатур на высшие партийно-государственные должности, не был определяющим критерием при подборе кадров, что несомненно снижало уровень их компетентности в вопросах управления.

Библиографический список

1. Архипова Т.Г., Сенин А.С., Румянцева М.Ф. История государственной службы в России XVIII - XX века. М.: РГГУ, 2000. 230 с.
2. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 2011. 622 с.
3. Декрет Второго Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Политиздат, 1957. С. 20-21.
4. Ирошников М.П. Создание советского центр. государственного аппарата. М.: Изд-во "Наука", 1966. 298 с.
5. Исторический интернет-проект ХРОНОС. Биографический справочник. Указатель имён. URL: <http://www.hrono.ru/biograf/index.php> (дата обращения: 13.02.23).
6. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А.Б. Безбородов. М.: РОССПЭН, 2013. 670 с.
7. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики // Декреты Советской власти. Т. II. М.: Политиздат, 1959. С. 550-564.
8. Ленин В.И. О перестройке работы СНК, СТО и Малого СНК. Письма А.Д. Цюрупе // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. Июль 1921 – март 1922. М.: Политиздат, 1970. С. 364-370.
9. Ломов Г.И. В дни бури и натиска // Пролетарская революция. 1927. №10. С. 166-182.
10. Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены, 1917-1991 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 431 с.
11. Первое Советское правительство. Окт. 1917 — июль 1918 / Науч. ред. А. П. Ненароков. М.: Политиздат, 1991. 461 с.
12. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898 – 1991. URL: https://web.archive.org/web/20171121070855/http://knowbysight.info/2_KPSS/08980.asp (дата обращения: 13.02.23).
13. Циркулярное письмо ЦК РКП(б) ко всем партийным организациям и членам партии об укреплении рядов РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917-1924. М.: Политиздат, 1983. С. 62-64.

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ ПОВОЛЖЬЯ

Гражданская война является масштабным событием Отечественной истории, которое продолжает изучаться и в настоящее время. В данном исследовании рассматриваются работы историков Поволжья, занимавшихся тематикой Гражданской войны.

Ключевые слова: Куйбышев, Самара, Гражданская война, Поволжье, историография.

Истории Гражданской войны в России посвящено множество научных исследований, в том числе трудов историков Поволжья. В данной статье анализируются исследования нескольких историков Поволжья по истории Гражданской войны, созданные в середине XX – начале XXI в.

В 1943 г. Абрам Лазаревич Шефер опубликовал работу «Военные традиции города Куйбышева» [5]. О биографии Шефера известно крайне мало. Известно лишь, что он родился 12 декабря 1909 г. в городе Самаре. Был участником Великой Отечественной войны и награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Автор описывает такие важнейшие события военной истории России, как Отечественная война 1812 года, Восточная (Крымская) война, военная интервенция Германии в феврале 1918 года, борьба с Колчаком, Великая Отечественная война. Следует сказать о том, что это была научно-популярная книга, рассчитанная на массового читателя, поэтому в ней очень много оценочных суждений, автор пытается воздействовать на эмоции читателей. Но здесь есть и экскурсы, носящие исследовательский характер – в том случае, когда автор анализирует сведения об участии населения Самары в тех или иных событиях. Так, описывая интервенцию Германии в феврале 1918 г., он приводит данные о деятельности самарских большевиков: «Как только в Самаре были получены первые сообщения о германском наступлении, местный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов организовал революционный штаб под председательством Валериана Владимировича Куйбышева. Задачи штаба заключались в формировании вооружённых отрядов и поддержании в городе революционного порядка. Большевики возглавили народный патриотический подъём и были первыми в рядах отважных бойцов против германского империализма» [5, с. 27].

В 1974 г. доктор исторических наук, профессор Куйбышевского государственного университета Ефрем Игнатьевич Медведев (1903-1982) издал монографию «Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.)» [3]. В ней дан анализ политической и вооружённой борьбы Советов за власть в Поволжье. В центре внимания автора – описание деятельности В.И. Ленина и партийных организаций большевиков в борьбе с контрреволюционными силами. Автор опирается на большой круг источников: тру-

* © Митяев Д.С., 2023

Митяев Дмитрий Сергеевич (dima.mityaev.1999@mail.ru), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

ды Ленина, документы ЦК РКП(б), мемуары таких участников событий, как В.В. Куйбышев, В.К. Блюхер и т.д. Здесь же представлен визуальный ряд – фотографии участников событий. Автор характеризует взаимоотношения политических партий с крестьянством. Монография в буквальном смысле населена людьми: Е.И. Медведев перечисляет политических деятелей, руководителей региональных партийных организаций, агитаторов и др. Не обойдены вниманием автора и лидеры национальных организаций и объединений. В частности, он упоминает попытку татарских националистов создать в Казани «Забулачную республику». Е.И. Медведев выделил несколько этапов Гражданской войны на территории Поволжья: начальный период Гражданской войны; военная интервенция на Средней Волге; спасение Революции на Восточном фронте; восстановление Советской власти в Поволжье; укреплении тыла Восточного фронта; разгром интервентов и внутренней контрреволюции на Восточном фронте. На наш взгляд, убедительно звучит вывод Е.И. Медведева о том, что главными силами Гражданской войны были рабочие и беднейшее крестьянство.

В 1977 г. в журнале «Народы Азии и Африки» была опубликована статья кандидата исторических наук, доцента Казанского государственного университета, автора ряда работ по истории революционного движения народов Востока Рифа Галаутдиновича Хайрутдинова «Иранские интернационалисты в советской России (1918–1920)» [4]. Автор рассматривает в статье деятельность интернационалистов Ирана в Поволжье, Приуралье и Центре России. Представляют интерес приведенные в статье сведения о миграции жителей Ирана на территорию Российской империи. Как правило, иммигранты из Ирана приезжали в Россию на заработки, обосновывались в Закавказье, на Волге и Закаспии. К началу Гражданской войны в России находилось не менее 100 тысяч иранцев, проживавших в Закавказье, на Урале, в Москве и Петрограде. В центре России действовали социал-демократические организации иранцев, такие как «Эджтэмайюне аммиюн» и «Адалят». Организация «Союз для оказания помощи персидским гражданам в Москве» ставила целью улучшение материальных и духовных условий жизни бедных граждан Ирана; в частности, члены организации занимались просветительской деятельностью, пропагандой декретов Советской власти. Иранские революционеры активно распространяли социалистические идеи среди иранского населения по всей стране, стремились сотрудничать с Советской властью, чтобы освободить Иран от господства Великобритании, активно участвовали в интернациональных митингах в Самаре.

В 1997 г. выходит книга Надежды Николаевны Кабытовой и Петра Серафимовича Кабытова «В огне гражданской войны: (Самарская губерния в конце 1917–1920 гг.)» [1]. В этой книге освещаются события в Самарской губернии, связанные с установлением советской власти и трагическими изломами в жизни народа, вызванными Гражданской войной. На основе архивных и опубликованных материалов рассмотрены такие исторические сюжеты, как установление Советской власти в губернии; организация уездных, волостных и сельских властных структур; деятельность КОМУЧа; вариации политики военного коммунизма; крестьянские восстания. Исследование основано на большом комплексе опубликованных и архивных источников. По мнению авторов, в Гражданской войне на территории Поволжья победили наиболее радикальные силы, существовавшие на тот момент, то есть большевики, которые на практике в ходе реализации Декрета о земле удовлетворили чаяния крестьян по конфискации земли у помещиков. Большевики смогли удержать власть, опираясь на поддержку беднейших слоёв города и деревни, поощряя уравнилельные принципы. Представляет интерес указанное авторами время установления Советской власти в уездах Самарской губернии: «Бугурусланский – 10 ноября 1917 г.; Николаевский – 18 декабря 1917 г.; Бузулукский – 21 декабря 1917 г.; Новоузенский – 10 января 1918 г.; Ставропольский – 28 января 1918 г.; Самарский – 31 января 1918 г.; Бугульминский – 25 февраля 1918 г.» [1, с. 7]. Летом 1918 года Среднее Поволжье становится очагом Гражданской войны, а Самара – политической

столицей КОМУЧа. В книге анализируется деятельность КОМУЧа, куда «первоначально входили 5 бывших членов Учредительного собрания: И.М. Брушвит, П.Д. Климушкин, Б.К. Фортунатов – от Самарской губернии, В.К. Вольский – от Тверской, И.П. Нестеров – от Минской» [1, с. 26] и который из-за своей неэффективности просуществовал лишь 4 месяца. Осенью того же года Самарская губерния снова становится советской. Активно проводилась политика военного коммунизма, продразвёрстка, приводившие к восстанию крестьян, что подорвало экономический потенциал губернии и в дальнейшем привело к голоду 1921 года.

В 2009 г. выходит книга пензенского историка, доктора исторических наук Виктора Викторовича Кондрашина «Крестьянство России в Гражданской войне. К вопросу об истоках сталинизма» [2], посвященная крестьянскому повстанческому движению против «военно-коммунистической политики» большевиков. Автор использовал комплекс разнообразных источников. Им выявлены причины, масштабы и последствия протестного движения крестьян. В монографии подробно исследована деятельность Самарского Комуча как «демократической альтернативы» органам Советской власти, анализируются причины его несостоятельности, подтверждается закономерность победы большевиков в Гражданской войне. Акцентируется внимание на позиции крестьян в Гражданской войне, дана реконструкция их поведения и настроений в условиях противостояния двух лагерей. Большое внимание уделено анализу количественных и качественных показателей крестьянского движения в Поволжье. К числу несомненных достоинств данной монографии следует отнести и то, что в ней дан историографический обзор научных трудов по истории крестьянства периода Гражданской войны. В своём исследовании автор приходит к выводу о том, что важнейшую роль в Гражданской войне сыграло крестьянство. Наибольшая активность крестьян проявилась в повстанческом движении, вызванном аграрной политикой Советской власти. Как указывает В.В. Кондрашин, крестьяне выступали не против действующей власти, а против чрезмерных действий Советской власти по принуждению к выполнению государственных повинностей.

Исходя из всего вышперечисленного, можно сделать следующий вывод. Среди историков Поволжья разных поколений немало тех, кто занимался историей Гражданской войны, рассматривая ее отдельные аспекты или восстанавливая целостную картину событий. К наиболее дискуссионным проблемам следует отнести оценку политики КОМУЧа, а также проблему позиции крестьянства по отношению к противоборствующим сторонам. При этом большинство авторов, изучавших проблему, убеждены, что именно крестьянство стало одной из главных сил Гражданской войны.

Библиографический список

1. *Кабытова Н.Н., Кабытов П.С.* В огне гражданской войны: (Самарская губерния в конце 1917–1920 гг.) / Самар. гос. ун-т, Ин-т истории и археологии Поволжья. Самара: Самар. ун-т, 1997. 91 с.
2. *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 574 с.
3. *Медведев Е.И.* Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.) / Куйбышев. гос. ун-т. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 352 с.
4. *Хайрутдинов Р.Г.* Иранские интернационалисты в советской России (1918–1920) // Народы Азии и Африки. 1977. № 6. С.12-20.
5. *Шефер А.Л.* Военные традиции города Куйбышева. Куйбышев: Куйб. обл. изд-во, 1943. 40 с.

МУЗЕИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1920-Х ГГ.

В статье рассматривается реорганизация музейного дела в Самарской губернии в 1920-е годы; анализируется проблематика научных исследований по истории формирования и деятельности музеев, показана роль музейных экспозиций в пропаганде советской идеологии.

Ключевые слова: музеи Самары, музейное дело, музейные экспозиции.

Советское социокультурное пространство в 1920-е годы претерпело существенные перемены. Провозглашенная большевиками «культурная революция» должна была решить задачи воспитания «нового человека» социалистического общества. Изучение места и роли самарских музеев в пропаганде социалистических ценностей позволяет выявить способы и методы организации социокультурного пространства российской провинции.

В отечественной историографии имеется достаточное количество исторических исследований по развитию музейного дела в разные периоды. В статьях Н.С. Вертинского [2], А.А. Воронцова [3], Е. Востокова [4] рассматривались вопросы организации музейного дела на новом этапе социалистического строительства, культурно-массовой работы в музеях. Подведению итогов деятельности музеев за двадцать лет советской власти посвящены публикации А. Галина и П. Дмитриева [6], Ф. Кона [12]. Из изданий последних лет можно отметить коллективную монографию «Музейное дело России» [13]. Детальный анализ уровня работы отечественных и зарубежных музеев на разных этапах исторического развития содержится в монографии Т.Ю. Юреновой [17]; автор анализирует причины и обстоятельства возникновения музеев в различных регионах мира. Качественным рубежом развития современной отечественной историографии стала «Российская музейная энциклопедия» [14]. Новые подходы к изучению музейного строительства нашли отражение в публикациях Е.К. Головкиной-Овчинниковой [7], Л.В. Гусевой, Т.В. Крайновой [8], Р.М. Ключниковой [11].

Учитывая новейшие тенденции в развитии российской историографии, самарские краеведы обратили внимание на создание биографических очерков об историках, краеведах, основателях музеев. Так, в монографии Т.Ф. Алексушиной предпринята попытка осветить процесс создания коллекций произведений искусств и материальной культуры в Самаре в конце XIX – начале XX в. Исследования, связанные с выявлением и введением в научный оборот наследия П.В. Алабина, отражены в материалах межрегиональной конференции [15], а также работах П.С. Кабытова [10], П.Ф. Чудовой [16] и других.

В Самарской губернии в середине 1920-х гг. на базе губернского музея и Общества археологии, истории, этнографии и естествознания были образованы: Крими-

* © Елин В.И., 2023

Елин Владимир Ильич (elin.vladimir2012@yandex.ru), аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва; ведущий библиограф краеведческого отдела, Самарская областная универсальная научная библиотека

нальный музей при Уголовном розыске, Историко-революционный музей при Истпарте, Военный музей при ПриВО и «Комната Старой Самары» при Обществе археологии, истории, этнографии и естествознания [9, с. 64-65]. Местная власть уделяла достаточное внимание организации музейного дела. В 1921 г. был реорганизован Городской музей, который затем, в 1924 г., был расширен. В его составе были выделены следующие отделы: художественный отдел, отдел краеведения, естественно-историческое отделение, отдел истории культуры и религий. Директором музея в то время была профессор В.В. Гольмстен [5, с. 259]. В музее регулярно проводились экскурсии для школьников и студентов, для других организованных групп. 24 января 1919 г. в Культурно-просветительской Ассоциации при Самарском Государственном университете был открыт первый послереволюционный музей. На должность его заведующего и главного хранителя был приглашен Владимир Петрович Арапов. Он передал в Городской музей из личной коллекции семейные реликвии: акварель П. Пашина «Заседание Самарской Уголовной палаты в 1867 г.» и 3 пары атласных туфель, принадлежавшие его бабушке Елизавете Львовне Смирнитской (1850-х годов). На акварели был изображен дед Арапова, коллежский советник Александр Иванович Смирнитский, в то время возглавлявший Уголовную палату [1, с. 100].

В Самарском музее Общества археологии, истории, этнографии и естествознания было 4 отдела. В отделе археологии и первобытной культуры были представлены предметы древней индустрии, собранные главным образом в Самарской губернии, а также предметы быта так называемых «малокультурных народов». В отделе высоких культур находились экспонаты, связанные с предметами быта и культуры Греции и Египта. В отделе мусульманского Востока была представлена экспозиция, связанная с этнографией и искусством Средней Азии, Персии и других стран. В отделе буддийского Востока находились экспонаты, связанные с бытом, культом и прикладным искусством Китая, Японии и Индии. Экспозиции были рассчитаны на распространение зарубежной культуры среди молодого поколения. В отделе периодически проходили выставки, а также другие мероприятия просветительского характера. При Обществе археологии, истории, этнографии и естествознания имела «комната семьи Аксаковых».

Целенаправленную политико-просветительную деятельность проводил Историко-революционный музей в Самаре. В нем содержались экспонаты графического характера: портреты революционных деятелей, плакаты, листовки, воспоминания красных командиров. Музеем заведовал А.М. Келлер [5, с. 259]. Также советская власть уделяла большое внимание развитию правового сознания подрастающего поколения. Эту работу вел Криминальный музей, находившийся в здании уголовного розыска и включавший два отделения: «Преступности» и «Борьбы с преступностью». Музеем заведовал А.И. Карташов [5, с. 259].

Большое внимание уделялось обучению противопожарной безопасности. В городе действовал Пожарный музей, отделы которого носили следующие названия: «Как мы горим», «Отчего мы горим», «Чем мы работаем» и «Общий отдел». В музее содержались инструменты и приборы для работ на пожарах и т.д. Учреждение культуры находилось в ведении Противопожарной охраны г. Самары, музеем заведовал брандмейстер 2-й части П.Н. Логинов [5, с. 260]. В Самаре также действовал Губернский музей учебных пособий, основанный в 1913 г., до революции. Учреждение культуры находилось в ведении Губоно. В его составе были следующие отделы: естественно-исторический отдел, гуманитарный отдел, отдел физики и математики, отдел географии и отдел технологии. Учебными пособиями могли пользоваться все учреждения Губоно, а также другие просветительские учреждения прочих организаций Самары [5, с. 258-259].

Таким образом, в 1920-е годы сформировалось представление о музеях России как единой системе, назначение которой заключалось как в сохранении культуры, так и в пропаганде советской идеологии. Политика советской власти в области культуры способствовала выработке новых компетенций в организации музейного дела: если власть призывала к классовый борьбе, музеи наглядно демонстрировали соответствующие артефакты. В целом музейные учреждения содействовали подъему интеллектуальной жизни страны и способствовали распространению новой идеологии.

Библиографический список

1. *Алексушина Т.Ф.* Коллекционеры старой Самары. Самара: Офорт, 2005. 470 с.
2. *Вертинский Н.С.* Задачи массовой работы музеев // Советский музей. 1938. № 6. С. 19-23.
3. *Воронцов К.* Учет и хранение вещей в музее // Советский музей. 1937. № 6-7. С. 31-35.
4. *Востоков Е.* Подготовка антирелигиозных кадров // Советский музей. 1938. № 12. С. 36-38.
5. Вся Самара. 1925: адресно-справочная книга. Самара: Полиграфпром, 1925. 262 с.
6. *Галин А., Дмитриев П.* Государственный исторический музей к двадцатой годовщине Октября // Советский музей, 1937. № 9-10. С. 10-12.
7. *Головкина-Овчинникова Е.К.* Константин Павлович Головкин – художник, археолог, краевед (1872-1925) // Самарский краевед: Историко-краеведческий сборник. Куйбышев: Артпрестиж, 1990. С. 255-263.
8. *Гусева Л.В., Крайнова Т.В.* «Не можем примириться...» (судьба последнего председателя Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания В.П. Арапова) // Краеведческие записки. Самара, 1996. Вып. VIII. С. 89-98.
9. *Иванушкина С.А.* Формирование музейной сети Самарской губернии в 1918-1928 годы: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. 259 с.
10. *Кабытов П.С.* История Самарского края в сочинениях П.В. Алабина // Самарский край в истории России. Вып. 2: Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения П.В. Алабина, 16-17 сентября 2004 г. Самара, 2004. С. 4-10.
11. *Ключникова Р.М.* Археологические изыскания К.П. Головкина // Краеведческие записки. Самара, 1995. Вып. VII. С. 199-207.
12. *Кон Ф.* Музеи за двадцать лет // Советский музей. 1937. № 9-10. С. 3-9.
13. Музейное дело России / Под ред. М.Е. Каулен, И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. Изд-во «ВК», 2003. 614 с.
14. Российская музейная энциклопедия. М.: Прогресс: РИПОЛ классик, 2005. 845 с.
15. Самарский край в истории России. Вып. 2: Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения П.В. Алабина, 16-17 сентября 2004 г. Самара, 2004. 180 с.
16. *Чудова П.Ф.* Петр Владимирович Алабин (1824-1896) // Самарский краевед: Историко-краеведческий сборник. Самара, 1991. С.59-72.
17. *Юренева Т.Ю.* Музееведение: учеб. для студентов гуманитарных специальностей вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2006. 558 с.

ДВОРЦЫ И ДОМА КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ Г. КУЙБЫШЕВА (1930-1991 ГГ.)

В статье рассматривается значение Дворцов и Домов культуры в развитии социокультурной сферы региона, проведен анализ основных видов деятельности данных культурно-досуговых учреждений.

Ключевые слова: Дом культуры, Дворец культуры, самодеятельность, патриотическое воспитание, архитектурное наследие, Куйбышев, Самара.

Дворцы и Дома культуры советской эпохи способствовали коммунистическому воспитанию, самообразованию, развитию творческих способностей советских людей, кроме того, здания Дворцов и Домов культуры представляют собой объекты архитектурного и исторического наследия [2].

Создание типовых проектов Дворцов и Домов культуры пришлось на 1940-е годы, их разработкой занималась группа профессионалов из архитектурно-проектной мастерской Всесоюзного центрального совета профсоюзов. Несмотря на то, что здания были типовыми, их богато украшали элементами архитектуры сталинской эпохи: портиками, мощными фронтонами, колоннадами. Так типовые проекты превращались в индивидуальные и отражали местную идентичность.

Строительство Дворцов и Домов культуры на территории г. Куйбышева (Самары) осуществлялось на протяжении 1930-1970-х гг. [3]. Дворцы культуры в большинстве случаев построены в стиле сталинского ампира, и, как задумывалось советской властью, производят сильное впечатление колоннами, аттиками, богатым декором. Однако Дом культуры им. Ф.Э. Дзержинского (1930-1932) построен в стиле конструктивизма, Дворец культуры «Звезда» (1969-1970) представляет собой яркий пример архитектуры советского модернизма. Отделка внутренних помещений Дворцов и Домов культуры весьма разнообразна, интерьеры зданий облицованы деревом, гранитом, мрамором. Финансовой базой строительства и функционирования Дворцов и Домов культуры были профсоюзные отчисления крупных заводов нашего города.

Переходя к деятельности в стенах Дворцов культуры г. Куйбышева, следует отметить, что любые мероприятия проходили строго по утвержденному плану. Основной задачей деятельности культурного учреждения являлась коммунистическая пропаганда. В соответствии с этим во Дворцах и Домах культуры проходили лекции, посвященные деятельности партии. Населению предлагались различного рода лекции, концерты и другие мероприятия, постоянно действовали разнообразные кружки и секции. Целью работы Дворцов и Домов культуры считались усвоение форм социалистического соревнования, коммунистическое воспитание детей, воспитание советского патриотизма [5, оп. 65, д. 34, л. 6].

Дворец культуры им. В.В. Куйбышева, возведенный в 1938 г. на площади Куйбышева, был образцом деятельности для остальных ДК города – в нем разме-

* © Белянина А.А., 2023

Белянина Анна Александровна (ankabelyanina@yandex.ru), бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

щался Театр оперы и балета, областной Художественный музей, областная научная библиотека. Вполне логично, что эвакуированный осенью 1941 года в Куйбышев Большой театр был размещен именно в ДК на площади Куйбышева. Здесь состоялись несколько премьер, включая мировую премьеру балета «Алые паруса» на музыку В. Юровского. А в марте 1942 года в стенах Дворца культуры прозвучала законченная Дмитрием Шостаковичем в Куйбышеве Седьмая («Ленинградская») симфония.

Дворец культуры им. С.М. Кирова, построенный в 1961 г., стал полноценным культурным центром рабочей Безымянки [1]. В ДК им. Кирова проходили художественные выставки, действовали народные танцевальные коллективы, народный оркестр русских инструментов и вокальный ансамбль, художественные и спортивные секции.

Дворцы и Дома культуры были обязаны «шефствовать» над региональными учреждениями; в рамках этой практики в отдаленные районы области регулярно приезжали артисты со своим репертуаром. Регулярно проводились «клубные недели на заводе», посвященные поочередно пропаганде передового опыта, проблемам педагогики, чествованию передовиков и т.д., в эти дни в красных уголках предприятий выступали с концертами участники самодеятельности Дворца. Во Дворцах и Домах культуры проводились тематические показы документальных фильмов, зрительские конференции и фестивали художественных кинокартин; в фойе проходили выставки моды, картин, фотовыставки, выставки прикладного искусства и другие [5, оп. 1, д. 2035]. Ежемесячно на один день Дворцы культуры перевоплощались во Дворцы бракосочетаний, проводилась также регистрация новорожденных.

Дворец культуры Metallургов (открыт в 1959 г.) состоял в содружестве с Театром оперы и балета. Театр регулярно показывал свои спектакли во Дворце культуры, солисты театра выступали с различными концертными программами. Музыкальные коллективы во Дворце металлургов получали методическую помощь Театра оперы и балета. В свою очередь, завод помогал Театру в изготовлении отдельных декораций [5, оп. 1, д. 2483, л. 15].

На совещаниях Куйбышевского обкома КПСС часто поднимались вопросы деятельности Дворцов и Домов культуры, детально разбирались проблемы учреждений культуры и пути их решения [5, оп. 1, д. 250, л. 5].

Дворцы и Дома культуры активно вели лекционную работу. Приоритетным направлением лекционной работы являлись производственно-технологические выставки и лекции, например, на такие темы, как «Автоматизация и социалистический прогресс», «Химическая промышленность в Куйбышевской области». Проводились в ДК и лекции на антирелигиозные темы: «Происхождение религии», «Отношение партии и правительства к религии» [5, оп. 1, д. 2483, л. 15].

Таким образом, Дома и Дворцы культуры представляли собой величественные архитектурные сооружения, доступные каждому советскому гражданину. Во Дворцах и Домах культуры в советскую эпоху была сосредоточена культурно-досуговая и общественно-политическая деятельность. Здесь проходили мероприятия, посвященные государственным праздникам [4, оп. 145, д. 159], проходили обряды бракосочетания, регистрация новорожденных. Основное внимание уделялось коммунистическому воспитанию: каждый ДК должен был вести лекционную работу на общественно-политические, естественнонаучные, научно-технические темы. Библиотеки ДК не только принимали читателей, но и проводили беседы по антирелигиозному и коммунистическому воспитанию. В ДК работали инструментальные и народные ансамбли, вели активную деятельность хореографические, спортивные, театральные, вокальные коллективы. Дворцам и Домам культуры также ставилась задача работы с молодежью в самых различных направлениях: организовывались туристические

походы, спортивные соревнования, велась лекционная работа в учебных заведениях. Таким образом, ДК предоставляли возможность населению всесторонне развиваться на базе одного многофункционального учреждения.

Библиографический список

1. *Артемов А. Безымянка. Второй город. Дворец культуры на площади Кирова: история строительства и винтажные фото.* 17 ноября 2020 // Самарский интернет-журнал «Другой город». URL: https://drugoigorod.ru/palace_culture/ (Дата обращения: 12.10.2022).
2. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». URL: <https://web.archive.org/web/20140716132943/http://sovarch.ru/postanovlenie55> (дата обращения: 12.02.2023).
3. Самарский академический театр оперы и балета им. Д.Д. Шостаковича. URL: https://opera-samara.ru/o_teatre/ (Дата обращения: 10.03.2023).
4. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656.
5. СОГАСПИ. Ф. 714.

**МЕРОПРИЯТИЯ ПО УЛУЧШЕНИЮ ЖИЛИЩНЫХ И БЫТОВЫХ
УСЛОВИЙ РАБОЧИХ КУЙБЫШЕВСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ
МИНИСТЕРСТВА АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В 1947-1948 ГГ.**

Статья посвящена анализу документов, освещающих вопросы улучшения жилищно-бытовых условий работников авиационных заводов, эвакуированных в г. Куйбышев в годы Великой Отечественной войны. Вопрос потребовал особого внимания высших органов власти, однако многие мероприятия не были реализованы из-за экономических проблем первых послевоенных лет.

Ключевые слова: авиационная промышленность, Министерство авиационной промышленности, жилищно-бытовые условия, город Куйбышев.

осстановление и развитие народного хозяйства после Великой Отечественной войны стало для СССР важной задачей. Особое внимание уделялось организации социокультурного пространства предприятий, где вопросы жилищно-бытового обустройства рабочих играли важную роль.

Куйбышевская область непосредственно не пострадала от военных действий, но в г. Куйбышев эвакуировались заводы с передовой. Особую важность имели предприятия авиационной промышленности, подконтрольные Министерству авиационной промышленности (далее – МАП), выпускавшие самолеты и двигатели к ним. Вместе с оборудованием прибывали рабочие предприятий с семьями, для которых «просто не оказалось жилой площади» [1, с. 101]. После войны многие предприятия закреплялись в городе, и перед властью встал вопрос улучшения условий проживания рабочих, так как авиационная отрасль требовала формирования квалифицированных и постоянных кадров.

Совет министров СССР в своем постановлении № 3837-1294с от 16 ноября 1947 г. отмечал «совершенно неудовлетворительное исполнение» МАП плана жилищного строительства за 1947 г. Из плановых 36,5 тыс. кв. м жилья сдано 10,5 тыс. кв. м. Вина возлагалась на МАП и персонально на директоров заводов № 1, № 18, № 24 Литвинова, Белянского, Жезлова соответственно, которые уделяли недостаточно внимания вопросу [2, л. 96]. Учитывая это, на 1948 г. МАП были запланированы мероприятия по улучшению жилищно-бытовых условий рабочих, что нашло отражение в приказе № 806 от 8 декабря 1947 г.

Жилые помещения, арендуемые МАП для работников, закреплялись за ними до конца 1948 г. [2, л. 97; 3, л. 65]. Директорам заводов приказывалось снабдить помещения камерами хранения вещей, посудой, электричеством, топливом, обору-

* © Романова В.Б., 2023

Романова Вероника Борисовна (nicoucou@yandex.ru), аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва; оператор ЭВМ, Российский государственный архив в г. Самаре

довать комнаты гигиены, помещения для стирки, а также развернуть работы по благоустройству и озеленению [3, л. 60]. На постоянную эксплуатацию МАП от Куйбышевского горисполкома передавались 5 жилых домов в современных Самарском и Ленинском районах города [2, л. 97; 3, л. 63]. На 1948 г. предусматривался ввод в эксплуатацию 60 тыс. кв. м жилой площади и учреждений культурно-бытового строительства [2, л. 96]. В I и II кварталах 1948 г. Совмин обязал Главное управление по снабжению народного хозяйства лесоматериалами и дровами (Главснаблес) поставить МАП 500 финских домиков (из 60 тыс. кв. м жилья 20 тыс. – финские дома) [2, л. 97; 3, л. 61, 64]. МАП было разрешено продать рабочим гипсолитовые индивидуальные дома, построенные в 1945-1946 гг., с рассрочкой на 10 лет [2, л. 98; 3, л. 60, 66].

Ремонт и строительство поручались тресту № 11. На Министерство трудовых резервов и Госплан возлагалась обязанность направить на стройки весь выпуск школы фабрично-заводского обучения на базе треста. По нарядам Минтруда проводился набор 2,5 тыс. рабочих из Куйбышевской и Саратовской областей. Министерству внутренних дел (МВД) приказывалось для работы на лесозаготовках организовать лагерь заключенных на 1000 чел. в Молотовской области, а к лету 1948 г. увеличить их количество до 3,5 тыс. [2, л. 97; 3, л. 61-65].

Трест и заводы МАП снабжались всеми необходимыми материалами. Лесной фонд предоставляли Министерство лесного хозяйства и Главснаблес; транспорт, комплектующие, инструменты, строймеханизмы, хозяйственные материалы – ряд других министерств и ведомств [2, л. 97, 98; 3, л. 61-62, 65, 66]. МАП совместно с Министерством путей сообщения приказывалось в 10-дневный срок рассмотреть вопрос о поставках вагонов и паровозов для перевозки рабочих; МАП и Государственной штатной комиссии – рассмотреть вопрос увеличения штатов непромышленных групп предприятий с целью роста численности рабочих, занятых на стройках [2, л. 98; 3, л. 60-62, 65].

Также было налажено снабжение рабочих. На хозяйственное обзаведение выдавались кредиты до 3 тыс. руб. На эти цели в Министерстве финансов предусматривалось 6 млн. руб. Совет министров обязал МАП в 1947 г. выделить из своих фондов ткани, матрацы, одеяла, а также по государственным ценам продать мебель и предметы домашнего обихода в 1948 г. [2, л. 99, 3, л. 60, 62, 63, 66].

Улучшались культурно-бытовые условия жизни рабочих. МАП с Министерством торговли было поручено рассмотреть вопрос об устройстве коммерческих столовых и буфетов на территории предприятий, а также израсходовать до 2 млн. руб. на обустройство санатория «Красная Глинка» [2, л. 98, 99; 3, л. 63, 64, 66, 67]. Особо оговаривались противомаларийные мероприятия, связанные с ростом заболеваемости в 1946-1947 гг. План мероприятий Министерство здравоохранения, МВД и Министерство сельского хозяйства должны были предоставить уже к 1 марта 1948 г. [2, л. 99; 3, л. 63, 66].

Несмотря на большое количество мероприятий и число привлеченных министерств и ведомств союзного значения, в июне 1948 г. Президиум ЦК профсоюза рабочих авиационной промышленности снова отмечал неудовлетворительную работу, в особенности треста № 11, который недобросовестно провел подготовку и планирование строительства, и его управляющего Львовского, сорвавшего проведение лесозаготовок, за что ему было предложено привлечь к «строгой административной ответственности с направлением на низовую работу». Многие ведомства не выполнили поставленные задачи: Главснаблес не полностью выполнил поставки леса, МВД – обеспечение строек заключенными, Гипроавиапром – обеспечение треста документацией на строительство. Отмечались недостатки по линии профсоюзной работы. За 5 месяцев 1948 г. годовой план был выполнен на 6,3 %, что грозило срывом плана не только по Куйбышеву (стройки

Куйбышева составляли 30 % в плане министерства). ЦК профсоюза было рекомендовано командировать в Куйбышев одного из заместителей начальника Глававиастроя, обязав его находиться там до исправления положения, а также командировать работника ЦК профсоюза для надзора за организацией труда [4, л. 86-91].

Таким образом, остро вставшая задача жилищно-бытового обустройства работников куйбышевских заводов авиационной промышленности потребовала от государственных органов многочисленных мер, выполненных в сжатые сроки. Достигнуть плановых показателей не удалось из-за проблем в снабжении и организации труда, вызванных первыми послевоенными годами, а также иногда из-за халатности ответственных должностных лиц. Однако данные меры положили начало работе по улучшению жилищно-бытовых условий и снабжению рабочих, что к 1950-м гг., с ростом уровня экономики, подготовило условия для масштабных работ по созданию полноценной социально-культурной инфраструктуры для промышленных рабочих.

Библиографический список

1. *Беляков Б.В.* Звездный путь «Прогресса». Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2014. 388 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 106сч. Д. 281.
3. Российский государственный архив в г. Самаре (РГА в г. Самаре). Ф. Р-187. Оп. 2-6. Д. 6.
4. РГА в г. Самаре. Ф. Р-187. Оп. 2-6. Д. 24.

«ОТ ИМЕНИ КОММУНИСТОВ»: ПИСЬМА Н.Д. КУЗНЕЦОВА РУКОВОДИТЕЛЯМ СССР

В статье рассмотрено два исторических сюжета, связанных с конструктором Н.Д. Кузнецовым и выстраиванием его отношений с руководителями СССР в конце 1950-х и начале 1990-х гг. Определяются основные методы, использовавшиеся автором для достижения собственных целей, выявляются негласные правила, которыми руководствовались руководители предприятий при обращении к Генеральным (Первым) секретарям ЦК КПСС.

Ключевые слова: СССР, Н.Д. Кузнецов, Н.С. Хрущев, М.С. Горбачев, власть и общество в СССР.

Декларируемая Конституциями СССР принадлежность всей государственной власти «трудящимся города и деревни» [3, с. 285] (1936) или же просто «народу» [3, с. 315] (1977), в действительности сводилась к принятию практически всех решений верхушкой государственного аппарата. По мнению историка Р.Г. Пихои, власть в послевоенном СССР распределялась прежде всего между руководителями четырех ведомств: аппарата ЦК КПСС, Совета Министров СССР, КГБ СССР и Министерства обороны СССР [4, с. 6]. Для системы власти в советский период истории были характерны «высочайший уровень централизации и стремление управлять всем» [Там же]. В полной зависимости от политического руководства страны находились руководители промышленных предприятий. Они, прекрасно осознавая свое положение, для разрешения различных проблем, связанных с деятельностью предприятия, могли обращаться не к профильному министерству, а к руководству ЦК КПСС напрямую или через посредников в лице высших партийных чиновников. Именно так выстраивал отношения с органами власти известнейший советский конструктор Н.Д. Кузнецов.

Николай Дмитриевич Кузнецов с 1949 по 1994 г. руководил крупнейшим в СССР производством, которое за годы своего существования несколько раз меняло свое наименование: «опытный завод № 2», «завод № 276», «Куйбышевский моторный завод», «Куйбышевское научно-производственное объединение «Труд». Данное предприятие специализировалось на разработке, проектировании и производстве авиационных и ракетных двигателей [1, с. 15]. Ввиду значимости производства для военно-промышленного комплекса СССР Генеральный конструктор Н.Д. Кузнецов имел возможность прямого взаимодействия с высшим руководством страны. Такую возможность он использовал несколько раз.

Целью данной статьи выступает выявление методов и негласных правил обращения лиц, находящихся на руководящих должностях, к высшему руководству СССР.

* © Труханов Р.О., 2023

Труханов Роман Олегович (trukhanov.r@yandex.ru), магистрант исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

В качестве источников были использованы два письма, подготовленные Н.Д. Кузнецовым руководителям СССР в различные периоды – Н.С. Хрущеву и М.С. Горбачеву, – в которых описывались экономические проблемы производства. Однако нам важно не столько проанализировать потребности вверенного Н.Д. Кузнецову завода, сколько выявить, как данные письма были подготовлены, какие характерные черты их стиля можно выявить, какую лексику использовал автор, и другие вопросы.

Первое письмо датировано 24 декабря 1958 г. и было адресовано Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву. Перед Н.Д. Кузнецовым стояла задача доказать руководству СССР надежность двигателя НК-4 (конструктором которого и являлся Н.Д. Кузнецов) и убедить в необходимости его использования на новейших на то время самолетах Ил-18. В случае успешного для Н.Д. Кузнецова разрешения проблемы завод смог бы получить государственный заказ, а, следовательно, дополнительное финансирование, которое могло бы предоставить возможность проведения научно-исследовательских работ, развития самого предприятия и пр. К тому же конкурентом НК-4 выступал двигатель АИ-20, который был сконструирован А.Г. Ивченко в опытном конструкторском бюро 478 (ОКБ-478) в Запорожье, и победа в данной «борьбе» подняла бы авторитет завода, руководимого Н.Д. Кузнецовым.

Для разрешения данной проблемы автор письма использовал ряд методов. Во-первых, использование сравнительно-сопоставительного анализа характеристик различных двигателей (американского, английского производства, а также НК-4 и АИ-20). Причем линии сравнения были подобраны понятные для читателя, не знакомого с вопросами авиационного строительства. Стоит заметить, что автор обращал внимание на «соревнование советского самолета Ил-18 и указанных иностранных самолетов» [5, оп. 2-6, д. 203, л. 104]. Тем самым Н.Д. Кузнецов использовал специфичную политизированную лексику, которая должна была погрузить читателя в понятный для него контекст. Также особенностью лексики письма является отсутствие обращений к Н.С. Хрущеву по должности (Первый секретарь ЦК КПСС). Вместо этого использовался оборот «товарищ Хрущев Н.С.».

Во-вторых, для наглядности и облегчения восприятия достаточно сложного для понимания текста автор использовал сопоставительные таблицы. В целях акцентирования внимания читателя на отдельных частях некоторые предложения и абзацы были подчеркнуты сплошной линией.

В-третьих, особым образом было построено начало письма. В качестве эпиграфа была использована цитата самого Н.С. Хрущева. После нее, в скобках, автор дал ссылку: «Из заключения товарища Хрущева Н.С. на совещании работников промышленности 16 апреля 1955 г.» [5, оп. 2-6, д. 203, л. 102]. Данная часть письма была введена Н.Д. Кузнецовым специально в целях привлечения внимания и расположения Н.С. Хрущева, на что указывают несколько фактов. В свободном доступе (в сборниках документов и речей) данную выдержку найти было невозможно: стенограммы подобного рода совещаний если и публиковались, то малыми тиражами и не были доступны широкой аудитории. Это означает, что Н.Д. Кузнецов либо сам присутствовал на заседании 16 апреля 1955 г. и использовал свои собственные записи, либо кто-то передал ему стенограмму. Также не подтверждает случайности использования данной цитаты большой временной промежуток между датой совещания и датой подготовки письма – практически в четыре года.

В-четвертых, для подтверждения своих доводов Н.Д. Кузнецов давал отсылки к мнению других лиц и организаций по поводу двигателя НК-4. Так, автор писал, что «на основе летных испытаний, проведенных на самолете Ил-18 в ОКБ-240 (опытное конструкторское бюро), Г.В.Ф. (гражданский воздушный флот), на заводе №30 и ГК НИИ ВВС (Государственная комиссия научно-исследовательского института военно-

воздушных сил) Генеральный конструктор Ильюшин сообщил нам, что он твердо ориентируется на применение на самолете Ил-18 только двигателя НК-4» [5, оп. 2-6, д. 203, л. 105]. В данном случае, о надежности двигателя и его отличных характеристиках говорил не только автор проекта, но еще и Генеральный конструктор С.В. Ильюшин – создатель самолета Ил-18.

В-пятых, в конце письма были приведены предложения Н.Д. Кузнецова по организации производства двигателя НК-4 и началу его применения на самолетах Ил-18. Иными словами, был представлен план действий, который должен был реализовать потенциальный читатель.

Примечательно, что письмо не было направлено напрямую Н.С. Хрущеву. Оно являлось приложением к письму, адресованному Заместителю председателя Совета Министров СССР Ф.Р. Козлову, которого Н.Д. Кузнецов просил передать обращение лично Н.С. Хрущеву [5, оп. 2-6, д. 203, л. 101]. Данная ситуация может быть объяснена несколькими предположениями. С одной стороны, Н.С. Хрущев, помимо должности Первого секретаря ЦК КПСС, был Председателем Совета Министров СССР, т.е. передача обращения через заместителя обеспечивала большую вероятность того, что письмо оказалось бы у Н.С. Хрущева. С другой стороны, вероятно, существовали определенные негласные правила субординации, которые не позволяли напрямую обращаться к руководителю СССР.

Данное обращение оказало двойственное влияние. С одной стороны, Н.Д. Кузнецову не удалось убедить использовать на самолетах Ил-18 свой двигатель НК-4 – выбор был сделан в пользу АИ-20 [2]. С другой стороны, с мая 1959 г. завод стал заниматься конструированием и производством жидкостных ракетных двигателей (ЖРД), предназначенных для запуска ракетносителей в космос [7, с. 16]. Столь ответственное задание советское правительство могло доверить только проверенному и надежному руководителю и вверенному ему предприятию. Поэтому можно утверждать, что перепрофилирование завода на более сложное с технологической стороны производство ЖРД стало положительным исходом обращения Н.Д. Кузнецова.

Другое обращение было направлено Президенту СССР, Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву. Оно не было датировано, однако по содержанию можно определить, что обращение написано в октябре 1990 г. В нем описывались экономические проблемы предприятия. Н.Д. Кузнецов просил *«рассмотреть и изыскать возможность выделения КНПО (Куйбышевское научно-производственное объединение) «Труд» бюджетного финансирования на 1991-1995 гг. ...»* [6, оп. 2, д. 6, л. 1].

Основной текст письма представляет собой описание истории производства самолетных и ракетных двигателей. Автором были описаны основные достижения, показатели, передовые технологии, а также перспективные проекты предприятия. Меньшей по объему была часть текста, описывавшая проблемы производства: недостаточное государственное финансирование предприятия, нехватку квалифицированных кадров.

Как и в случае с письмом 1958 г., автор просил решить не только свою проблему, но и аналогичные проблемы всех предприятий СССР: *«должны быть разработаны положения и сроки реализации более эффективного в условиях рыночной экономики финансирования научно-производственных предприятий и опытных организаций»* [6, оп. 2, д. 6, л. 4].

В отличие от письма 1958 г., данное обращение начинается с указания должностей руководителя страны, причем сначала написано *«Президенту Союза Советских Социалистических республик»*, а строчкой ниже *«Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Горбачеву М.С.»*. В данном случае употребление слова *«товарищ»* можно расценивать как норму официально-делового стиля письма, принятую в СССР. При-

мечательно, что данное обращение включает в свой состав достаточно много указаний на приверженность автора и коллектива завода «коммунистическому мировоззрению»: в тексте имеются словосочетания «от имени коммунистов», «прошедшая отчетно-выборная партийная конференция», а помимо подписи Генерального конструктора Н.Д. Кузнецова должна была присутствовать еще и подпись секретаря партийного комитета завода [6, оп. 2, д. 6, л. 4]. Таким образом автор письма хотел привлечь внимание к своему производству, показать приверженность коллектива завода М.С. Горбачеву и возглавляемой им партии.

К сожалению, никаких источников, подтверждающих реакцию правительства СССР на обращение Н.Д. Кузнецова, найти не удалось. Вероятно, ввиду достаточно сложного экономического положения, сложившегося в начале 1990-х гг. в СССР, М.С. Горбачев не был в состоянии решить проблемы производства. К тому же, чуть более года спустя после подготовки обращения, произошло прекращение существования Советского Союза, и перед молодой Россией вставали совсем иные трудности и проблемы, решение которых было первостепенным для руководства страны.

Таким образом, можно прийти к выводу, что Н.Д. Кузнецов предпринимал попытки оказать влияние на мнения и действия высшего руководства СССР. Соответственно, руководители крупных предприятий имели возможность обращения к руководству страны. Данный процесс регламентировался определенными негласными правилами, на основе которых авторами разрабатывалась логика повествования. С одной стороны, необходимо было сделать все возможное, чтобы потенциальный читатель понял суть проблемы, осознал ее важность не только для самого производства, но и для страны и общества в целом. После этого требовалось обозначить наилучший для производства сценарий решения описываемой проблемы, то есть описать пути дальнейших действий читателя. С другой стороны, автор осознавал вероятность наступления негативных последствий обращений. В их число могли входить игнорирование письма, объявление выговора автору, увольнение, лишение каких-либо преференций и т.п. Поэтому было необходимо выстроить текст так, чтобы свести к минимуму возможность применения к нему указанных выше действий со стороны власти. Такие же проблемы стояли перед Н.Д. Кузнецовым, который крайне осторожно и кропотливо подходил к процессу подготовки писем для руководителей СССР.

Библиографический список

1. Гриценко Е.А. Генеральный конструктор Н.Д. Кузнецов // Известия Самарского научного центра РАН. 1999. № 1. С. 15-22.
2. Классик «золотой» эры // Мир авиации. 1994. № 1. URL: http://www.xliby.ru/transport_i_aviacija/mir_aviacii_1994_01/p12.php (дата обращения: 26.09.2022).
3. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат, 1987. 364 с.
4. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 684 с.
5. Российский государственный архив в г. Самаре (РГА в г. Самаре). Ф. Р-187.
6. РГА в г. Самаре. Ф. Р-876.
7. Тресвятский С.Н., Федорченко Д.Г., Данильченко В.П. Космические двигатели СНТК имени Н. Д. Кузнецова // Вестник СГАУ. 2006. № 2-1. С. 16-22.

БОРИС СВОЙСКИЙ – ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ КУЙБЫШЕВСКОЙ КИНОХРОНИКИ

В статье анализируется личность кинодокументалиста, режиссёра, драматурга, поэта, заслуженного деятеля искусств РСФСР – Бориса Иосифовича Своейского, который внёс значительный вклад в развитие Куйбышевской студии кинохроники.

Ключевые слова: Б.И. Своейский, Куйбышевская студия кинохроники, документальное кино, визуальная антропология.

Не хочу я особенной славы.

Мне другая мечта дорога.

Б. Своейский

Изучение истории Куйбышевской студии кинохроники методологически обращает нас к визуальной антропологии, направлению, предполагающему междисциплинарный подход. В основном визуальная антропология используется этнографами и антропологами для фиксации исчезающих культур [1, с. 35]. Движение, определяемое понятием «визуальная антропология», возникло в первые годы существования кинематографа, когда кинематографисты начали использовать киноаппарат для этнографических целей, чтобы зафиксировать ритуалы и обычаи исчезающих культур. Потом визуальные методы исследования стали использоваться социологами и антропологами. На сегодняшний день область применения визуальной антропологии расширилась до интерпретации визуальных артефактов как культурных феноменов, анализа контекстов их производства и использования, до изучения социальной жизни с помощью визуальных методов. Таким образом, с помощью методов визуальной антропологии мы занимаемся в границах нашего исследования не только историей производства кинолетописи советского общества, но и изучаем советскую жизнь через оптику камеры кинематографистов-документалистов, работавших на Куйбышевской студии кинохроники [9, с. 7].

Настоящее исследование посвящено Борису Иосифовичу Своейскому (1937-2001). Это связано с тем, что в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории есть личный фонд Бориса Своейского, кинодокументалиста, драматурга, поэта, заслуженного деятеля искусств РСФСР, 30 лет проработавшего на Куйбышевской студии кинохроники.

Но, прежде чем перейти к личности Бориса Своейского, нужно рассказать, как «умерла» Куйбышевская студия кинохроники – одна из старейших советских киностудий. Она была основана в Самаре в 1927 г. для создания документальных фильмов и киножурналов. Долгие годы студия была единственной на Волге; её корреспонденты работали от Ярославля до

*© Ламонова А.А., 2023

Ламонова Анна Алексеевна (lamonova29@mail.ru), бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

Астрахани [6]. Это необходимо сделать, чтобы подчеркнуть научную актуальность темы и значимость её в культурно-нравственном отношении, так как кинематографические, документальные летописи истории страны составляют значительный и выдающийся пласт отечественной культуры.

В советский период каждая студия кинохроники выпускала три вида продукции: еженедельный киножурнал, документальные фильмы и фильмы по заказу министерств и ведомств. Куйбышевская студия кинохроники выпускала 48 киножурналов в год, которые демонстрировались в шести областях России, и 6-8 документальных фильмов, демонстрирующихся по всему Советскому Союзу [6].

В связи с изменениями, произошедшими в стране после развала Советского Союза, началось медленное умирание студии. Как с болью отмечал в интервью Б. Кожин, долгое время занимавший должность главного редактора кинохроники, «сначала мы вынуждены были отказаться от еженедельного киножурнала “Современник”. Вместо него с 1992 г. мы стали из-за отсутствия денег выпускать киноальманах “Самарская хроника”, “Кинолетопись”, не требующих еженедельного выхода. А два года назад опять же из-за отсутствия финансов мы прекратили выпускать и “Кинолетопись”» [6]. По мнению Б. Кожина, катастрофа для российского неигрового кинематографа наступила тогда, когда он потерял свою самостоятельность и был объединен с Министерством культуры [6].

В апреле 2001 г. произошло разделение собственно киностудии и фильмофонда: киностудия была преобразована в Открытое акционерное общество, а фильмофонд остался государственным имуществом. В 2005 г. все материалы самарской студии были переданы в Российский государственный архив кинофотодокументов (Красногорск Московской области). 8 февраля 2007 г. состоялся аукцион, где ОАО «Самарская студия кинохроники» перешло во владение частного лица за первоначальную стоимость – 53 миллиона рублей. Борис Кожин говорил, что «продаётся национальное достояние» [5, с.7].

По истории Куйбышевской студии кинохроники на сегодняшний день существует только одно диссертационное исследование В.В. Заводчикова «Деятельность Куйбышевской студии кинохроники и кинообслуживание населения Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны» [2]. Как видим, эта работа охватывает только период 1941-1945 гг. Остаются неизученными, как в общероссийском, так и в региональном аспекте, вопросы, связанные с организацией подобных студий по всей стране с 1918 по 1993 гг. [4]. Ничего до сих пор не написано о Марке Иосифовиче Ципорине, основателе Куйбышевской студии кинохроники, о Самарской базе треста агитмассовых фильмов и кинохроники «Союзкинохроника» и её директоре Анатолии Поспелове и т.д. Хочется заметить, что продукция Куйбышевской студии кинохроники была известна в годы войны и за пределами СССР. Для зарубежного зрителя на студии создавались специальные киножурналы «СССР на экране», которые отправлялись союзникам – в Великобританию и США. В 1942 году на студии были произведены фильмы на экспорт – «Героический Севастополь», «Парад польской части» [8, оп. 2, д. 9, л. 6].

История студии кинохроники – это история людей, работавших на ней. Борис Иосифович Свойский родился в городе Куйбышеве 3 ноября 1937 года. Первые годы жизни жил в большом доме, рядом с банком на Куйбышевской улице, а потом вскоре вся семья: мать, отец, бабушка, дедушка (родители матери) переехали на улицу Обороны, ближе к Волге. Борис окончил куйбышевскую школу № 6, а затем историко-филологический факультет педагогического института. Работал учителем [7, оп. 1,

д. 70, л. 1]. Таким образом, мы видим, что зачастую документалисты первоначально не имели специального образования. В случае Свойского базовое образование – истфак пединститута.

Борис Свойский пробовал себя на телевидении, но посчитал, что это не его сфера деятельности, и спустя некоторое время ушел оттуда. Окончив в 1969 г. Высшие сценарные курсы при Союзе кинематографистов СССР, он пришел работать на Куйбышевскую студию кинохроники. И тогда начался его особый путь: он начал создавать документальное кино. Как режиссёр-сценарист, как автор текстов, Борис Свойский – один из самых известных режиссёров документального кино. Он снял около 200 документальных фильмов на различные темы, прежде всего о Волге, о Жигулях, о своей Самаре. Фильмы о своей родине занимают особое место в его творчестве; вот лишь некоторые из них: «Таинственная Самара», «Судьбы Алексея Толстого», «Провинциальный актёр», «Столица эвакуации» [7, оп. 1, д. 70, л. 2]. По инициативе Свойского на студии начались съемки киноальманаха «Самарская хроника», где он стал художественным руководителем. Для его творчества характерно стремление понять окружающую действительность, тонкое, сложное отношение к человеку, неподдельная боль за свой дом, за свою страну [7, оп. 1, д. 62, л. 12]. Фильмы Свойского в полном смысле этого слова – авторский кинематограф.

Свойский великолепно монтировал, чтобы сделать отличный сюжет; именно за монтажом начиналась его настоящая работа. Эту информацию я узнала, когда брала интервью у коллег Бориса Свойского: Нины Алексеевны Шумковой и Александра Николаевича Назарова. Нина Алексеевна отмечала: «Иногда нельзя было сделать хоть какое-то кино, потому что был плохой материал, но Боре это удавалось» [3]. В подтверждение данных слов стоит привести пример – фильм «Перед судом», который был посвящен ужасному случаю, произошедшему в городе. Два шестнадцатилетних парня избили до смерти пожилого мужчину. Изначально хотели делать фильм со словами, но Борис Свойский настоял на том, чтобы фильм был молчаливым. Кино начинается с эпиграфа: «два парня убили беззащитного старика, водка убила в них всё человеческое». Далее идет видеосъемка этих парней, их девушек, плачущих матерей, судей. На кадры с матерями преступников была наложена колыбельная. А в финале показывают кадры того, что они потеряли, что никогда не сбудется. «Перед судом» считается лучшим фильмом Свойского, который длится всего 10 минут, но отличается выразительным монтажом и потрясающей музыкой.

К сожалению, Бориса Иосифовича Свойского не стало летним утром 16 июня 2001 года. Это был выдающийся человек, оставивший значительный след в истории документального кино нашего края и всей страны.

Безусловно, информацию о деятельности Куйбышевской студии кинохроники приходится собирать по крупицам. Нам представляется чрезвычайно важным введение в научный оборот кинодокументов, в частности, документального кино и кинохроники, так как в последнее время визуальная антропология превратилась в особое направление научного познания, важное для сохранения ценностей как региональной культуры, так и культуры всей страны.

Библиографический список

1. Александров Е.В., Филимонов Л.С. Красная книга исчезающих культур // Аудиовизуальная антропология. Истории с продолжением. М.: Ин-т наследия, 2008. С. 35-43.

2. *Заводчиков В.В.* Деятельность Куйбышевской студии кинохроники и кинообслуживание населения Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. 295 с.
3. Интервью с Н.А. Шумковой. Самара, 2022. Из личного архива автора.
4. Информация о киностудиях РСФСР и СССР, созданных в период 1918-1993 гг. // Интернет-музей Центральной студии документальных фильмов 1927-2022. URL: <https://csdfmuseum.ru/studios> (дата обращения: 20.11.2022)
5. *Мусорина В.* История скоро исчезнет вместе с киноплёнками // Коммерсант. 2002. № 50(2418). С.7.
6. Самарская кинодокументальная история исчезнет в архивах Москвы // Лента новостей «Самара сегодня». URL: <https://news.samaratoday.ru/news/69557/> (дата обращения: 18.03.2023)
7. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СО-ГАСПИ). Ф. 474.
8. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.4095.
9. *Ярская-Смирнова Е., Романов П.* Взгляды и образы: методология, анализ, практика // Визуальная антропология: настройка оптики. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С.7-16.

СЕВЕРОИРЛАНДСКИЙ КОНФЛИКТ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ, 1969–1991 ГОДЫ

Статья посвящена эволюции подходов, применявшихся советскими исследователями при изучении Североирландского конфликта второй половины XX века. Вводится разделение рассматриваемой историографии на два периода. Производится анализ особенностей обозначенных групп исследований и отдельных работ.

Ключевые слова: историография; советский период; Североирландский конфликт.

ротивостояние между католическим и протестантским сообществами Северной Ирландии, перешедшее в 1969 году в фазу вооруженного конфликта, приковало к себе взгляды всего мирового сообщества. Не остался в стороне и Советский Союз. О его заинтересованности в изучении событий, разворачивавшихся в шести графствах Ольстера, свидетельствовали многочисленные публикации в журналах и газетах авторских заметок об особенностях протекания конфликта, активный перевод на русский язык ирландских художественных произведений, и, что особенно важно, появление большого количества научных работ, целью которых было осмысление феномена межконфессиональной конфронтации в Северной Ирландии.

Актуальность выбранной темы состоит в важности глубокого осмысления особенностей советской историографии Ольстерского конфликта. Это необходимо для изучения истоков существующих в российской исторической науке тенденций в контексте изучения событий и явлений новейшей истории Европы.

Нижней хронологической границей исследования является 1969 год, так как он традиционно считается начальной точкой в развитии Ольстерского конфликта, верхней – 1991 год, то есть год прекращения существования СССР.

Целью работы является определение основных черт эволюционных процессов в советской историографии Североирландского конфликта 1969–1988 гг.

Советская традиция изучения Ольстерского конфликта пережила два этапа в своем развитии. Первый этап – с 1969 до второй половины 1980-х годов, который совпал с периодом обострения отношений с Великобританией, характеризовался сравнительно высоким уровнем догматизма в работах, которые во многом наследовали черты более ранних исследований, посвященных ирландскому вопросу в его марксистско-ленинском понимании. Как и в работах, опубликованных в СССР до начала Ольстерского конфликта, в центре рассматриваемых исследований, за редким исключением, оказывался нарратив о борьбе угнетенного рабочего католического населения против англо-шотландской буржуазии и аристократии. Например, меж-

* © Афанасьева Д.А., 2023

Афанасьева Дарья Андреевна (afanasyevm98@gmail.com), аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

ду видением истоков противоречий между католическим и протестантским населением Ирландии и Северной Ирландии, характерным для Л.В. Стрелецкой, чей очерк «Республика Ирландия» был опубликован в 1953 году [9], и положениями о генезисе конфликта, предлагаемыми, к примеру, авторами коллективной монографии «История Ирландии», выпущенной в 1980 году, не имелось существенных содержательных отличий [2]. Также для советской историографии Ольстерского конфликта в указанный период характерным было описание конфликта как конфронтации между защитниками рабочего населения, республиканцами, и «крупнобуржуазными», «землевладельческими» силами юнионистов. К примеру, такая позиция была озвучена Е.Ю. Поляковой в работе «Ольстер: истоки трагедии» [7, с. 63]. Примечательно, что, несмотря на обозначение двух противостоящих друг другу общин как сообществ, сформированных по конфессиональному признаку, вплоть до второй половины 1980-х годов религиозные и культурные аспекты конфликта вводились отечественными авторами, разрабатывавшими проблему Североирландского конфликта, на второй план. Историографию указанного периода также отличало то, что советские историки и политологи часто оправдывали действия республиканских вооруженных организаций как вынужденные в условиях насилия со стороны лоялистов и британских войск. Подобное видение ситуации было отражено, например, в монографии Н.П. Грибина «Трагедия Ольстера» [3]. Автор заявлял, что «... террор был импортирован в Ольстер британской армией, и... действия "временной" ИРА являются ответом на этот массовый террор» [3, с. 117].

Несмотря на схожесть указанных работ между собой и выстраивание авторами теорий вокруг фактически единого базового нарратива, нельзя говорить о тотальной догматизированности советской историографии Ольстерского конфликта на первом этапе ее существования. Исследователи озвучивали и оригинальные тезисы, основанные на глубоком изучении источниковой базы и тщательном анализе имеющегося материала. К примеру, статья В.Н. Истратова и А.Д. Колпакова, опубликованная в 1982 году в журнале «Новая и новейшая история», несмотря на сохранение ряда историографических штампов, не провозглашала исключительной роли экономических и политических явлений в этноконфессиональной конфронтации, но содержала указание на важность религиозного фанатизма обеих противоборствующих групп как фактора развития конфликта [5]. Также на общем фоне выделялась, например, и работа М.Е. Орловой «Рабочий класс Великобритании и освободительная борьба ирландского народа» [6]. Автор не только сделал вывод о том, что вина в начале и затягивании конфликта лежала равно на обеих враждующих сторонах, отказавшись от однозначной прокатолической позиции, но и отметил влияние стереотипов, исторической памяти на отношения между представителями противоборствующих общин. Исследовательница утверждала, что политика Великобритании в шести графствах Ольстера во многом была построена на предрассудках, существовавших в британском обществе по отношению к ирландцам.

Во второй половине 1980-х годов в советской историографии Североирландского конфликта все чаще начал подниматься вопрос о дуалистичной сути конфронтации, что, вероятно, было связано с глобальным пересмотром государственной идеологии в СССР, ослаблением контроля в целом, а также постепенным налаживанием отношений со странами Запада. В работах, которые можно отнести ко второму периоду разработки проблемы Ольстера в отечественной исторической науке, реже наблюдалось однозначное одобрение авторами деятельности республиканских сил. Юнионистские организации и действия правительства все также порицались, однако критика обрушивалась теперь и на радикальные прокатолические группы. К примеру, С.В. Толстов в своем исследовании выдвинул тезис о том, что суть конфликта

заключалась не только в дискриминации католического меньшинства шести графств Ольстера, но во взаимном ущемлении интересов обеих религиозно-культурных групп [10]. Х.Т. Загладина также возлагала ответственность за затягивание конфликта на обе стороны вооруженного противостояния [4]. Ужесточение конфронтации между сторонами конфликта она связывала с переходом борьбы в фазу неконтролируемого столкновения радикальных групп между собой и с правительственными силами.

В поле внимания отечественных исследователей постепенно вошли культурологические аспекты генезиса и развития конфликта, жизни населения Северной Ирландии. Например, новаторской стала работа Е.Ю. Поляковой «Северная Ирландия: истоки конфликта» [8]. Автором было обозначено несколько причин затягивания Ольстерского конфликта, среди которых были тщательно проанализированы не только социально-экономические и политические факторы, но и культурологические и религиозные аспекты. Последние, по мнению исследовательницы, были вызваны, помимо прочего, органическим антагонизмом в североирландском обществе.

Важно отметить, что, несмотря на очевидные изменения в подходах, кардинального перелома в отечественной историографии Ольстерского конфликта все же не происходило. Некоторые работы содержали и элементы, которые можно было характеризовать как «новаторские», и условно-консервативные положения. Например, в работе И.Д. Бирюкова «Ольстер: кризис британской империалистической политики (1968-1984)» присутствовали и подробный, достаточно беспристрастный анализ политики Вестминстера, рациональная критика деятельности противоборствующих сил в Ольстере, и обращение к традиционным штампам об особенностях социального состава юнионистских организаций, природе межобщинной борьбы [1]. Автор заявлял, что главную роль в лоялистском движении играли крупные промышленники, местные буржуазные элиты. Кроме того, продолжали выходить исследования, содержание которых практически не испытывало влияния «новых» гуманитарных веяний. Так, О.Л. Шахназаров в своей работе «Ирландия: нерешенные проблемы», выпущенной в 1986 году, фактически воспроизводил устоявшиеся марксистско-ленинские тезисы при характеристике истоков и сути Североирландского конфликта [11]. Конфронтация между двумя общинами трактовалась им как протест рабочего католического населения против правовой дискриминации, поддерживаемой официальными властями путем сотрудничества с лоялистскими силами.

Можно заключить, что политическая ситуация в стране в значительной мере влияла на разработку проблемы Североирландского конфликта в отечественной исторической науке. Регион, в котором действовали, в том числе, группировки, декларируемые цели и средства которых были тесно связаны с идеями марксизма, представлял особый интерес для советского государства, а потому в работах историков и политологов отчетливо прослеживался идеологический компонент. Во многом поэтому работы, относящиеся к периоду с 1969 года до второй половины 1980-х годов, несмотря на то что их авторы опирались на обширный фактический материал, характеризовались использованием повторяющихся нарративов, частым цитированием марксистско-ленинских постулатов. Восприятие отечественными исследователями достижений западной исторической науки в результате ослабления идеологической монополии и политического давления, отход их от тенденции к сведению многофакторных процессов к экономическим аспектам дало толчок для разработки проблемы Ольстерского конфликта в совершенно новом ключе. Во многом основываясь на опыте работ, относящихся к обоим историографическим этапам, российские историки в настоящее время осуществляют теоретическое осмысление явлений, связанных с событиями в Северной Ирландии, внося существенный вклад в изучение проблемы.

Библиографический список

1. *Бирюков И.Д.* Ольстер: кризис британской империалистической политики (1968-1984). М.: Мысль, 1985. 260 с.
2. *Гольман Л.И., Колпаков А.Д., Кунина В.Э., Сапрыкин Ю.М.* История Ирландии / под ред. Гольмана Л.И. М.: Мысль, 1980. 390 с.
3. *Грибин Н.П.* Трагедия Ольстера. М.: Международные отношения, 1983. 192 с.
4. *Загладина Х.* Ольстер – новая фаза конфликта? // *Мировая экономика и международные отношения.* 1987. № 3. С. 83-87.
5. *Истратов В.Н., Колпаков А.Д.* Трагедия Ольстера // *Новая и новейшая история.* 1982. № 2. С. 121-134.
6. *Орлова М.Е.* Рабочий класс Великобритании и освободительная борьба ирландского народа. М.: Наука, 1983. 255 с.
7. *Полякова Е.Ю.* Ольстер: истоки трагедии. М.: Наука, 1982. 164 с.
8. *Полякова Е.Ю.* Северная Ирландия: истоки конфликта // *Новая и новейшая история.* 1990. № 6. С. 41-52.
9. *Стрелецкая Л.В.* Ирландская республика. М.: Географгиз, 1953. 60 с.
10. *Толстов С.В.* Ольстерский кризис: буржуазные модели политического урегулирования // *Новая и новейшая история.* 1988. № 3. С. 33-50.
11. *Шахназаров О.Л.* Ирландия: нерешенные проблемы. М.: Знание, 1986. 63 с.

ПРОЯВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ТОВАРНОГО ДЕФИЦИТА В БЫТОВОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КУЙБЫШЕВ

В статье представлен анализ явлений повседневной жизни советских граждан в условиях дефицита товаров народного потребления. Рассмотрены аспекты жилищных условий, такие как снабжение населения водой. Также освещена проблема снабжения бытовыми товарами с учетом производственных возможностей Куйбышевской области.

Ключевые слова: дефицит, повседневность, жилищно-бытовые условия, перестройка, социально-экономическая история.

Для изучения повседневности населения города Куйбышева в период перестройки необходимо обозначить несколько отдельных аспектов, которые наиболее полно характеризуют жизнь различных слоев населения в условиях дефицита товаров народного потребления. Необходимо выделить стабильные модели поведения людей, условия среды, в которых они существовали, жилье, питание, перемещение, свободное и рабочее время. Также необходимо провести разграничения между сферами общественной жизни, проанализировать повседневность как некую рутину, рассмотреть различные сферы будничных событий, порождающих будничное сознание. В данной статье мы рассмотрим бытовую среду, в которой существовали жители Куйбышева, их повседневные проблемы, вызванные товарным голодом.

Материальным фундаментом бытовой жизни населения можно назвать его жилищные условия. В СССР жилищная проблема начала активно разрешаться еще с 1950-х годов. На момент перестройки в Куйбышеве в квартирах и домах проживало более 80 % населения [1, с. 5]. Отдельной проблемой жилищных условий во времена дефицита можно назвать плохое водоснабжение. Прежде всего это касается отдельных домов в историческом центре Куйбышева и на его окраинах (Кировский район, поселки Зубчаниновка и Смышляевка). Поскольку в магазинах отсутствовала бутилированная очищенная вода, реализовываемая в тарах большого объема, а централизованного водоснабжения здесь либо не было, либо оно было неудовлетворительного качества, людям зачастую приходилось пользоваться водой из неочищенных водоемов из так называемых «колонок». Употребление такой воды вызывало случаи желудочно-кишечных заболеваний [1, с. 8].

Другой проблемой жилищных условий населения, связанной с ситуацией дефицита в торговле, можно назвать проблему снабжения населения светом. Так, в горком Куйбышева иногда поступали письма с жалобами на отсутствие освещения при наличии электроэнергии. Виной тому было отсутствие в продаже электрических ламп, вынуждавшее людей пользоваться свечами [2, с. 8].

Совершенно естественно, что жилое пространство требовало наполнения. Что касается домашней бытовой утвари, то здесь проблема «достать дефицит» встала гораз-

* © Разумов Н.В., 2023

Разумов Никита Владиславович (razumov240395@gmail.com), аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва; учитель истории, ГБОУ лицей № 16 г. Жигулевска.

до раньше перестройки. Мебель, бытовая техника, предметы домашнего декора – все это зачастую можно было приобрести лишь в Москве и Ленинграде. Конечно, несправедливо было бы заявить, что мебель, телевизоры и холодильники отсутствовали в продаже в Куйбышеве. Напротив, имелись специализированные магазины (например, магазин «Экран» на ул. Победы, «Мебель» на пр. Кирова), и некоторые респонденты даже указывали, что некоторые товары можно было достать там. Однако в магазинах отсутствовал не только ассортимент, но и в целом необходимый объем количества продукции. Мебель, которая реализовывалась в них, могла различаться разве что цветом обивки. Некоторые граждане могли получить товар по так называемой лотерее, например, стиральные машины, холодильники, автомобили и пр.

Посуду можно было «достать» относительно просто, особенно хрустальную, а также сервизы, хотя они были достаточно дорогими. На некоторых предприятиях было налажено производство некоторых видов товаров народного потребления, но предназначенных только для работников предприятия. В частности, на Авиационном заводе в Куйбышеве производилась мебель, но ее было тяжело «достать» [З, оп.197, д.134, л.4]. Были случаи, что, достав дефицитный товар бытового назначения, его приходилось транспортировать в квартиры тайком, ночью, чтобы никто не узнал о наличии «дефицита» у человека. Особенно ценной считалась продукция зарубежного производства: чешский хрусталь, финская сантехника, мебель из ГДР и Югославии, особенно «стенки». Что касается качества отечественной мебели, многие респонденты указывали на ее громоздкость и непрочность. Она изготавливалась из низкокачественной фанеры, а пластиковые фурнитуры быстро расшатывались. Мебельная «стенка» оставалась популярной у большинства советских граждан. Также особенностью мебели в советских квартирах можно назвать ее многофункциональность: столы-книжки, диван-кровать, кресло-кровать.

Бытовую технику было еще сложнее «достать», чем мебель. Холодильники зачастую покупались в столице, такая же ситуация была с телевизорами. В куйбышевских магазинах могли наличествовать черно-белые телевизоры, за цветными же приходилось ездить в Москву. Так же дела обстояли и со стиральными машинами, выпускавшимися на 4 Государственном подшипниковом заводе [З, оп.197, д.134, л.5].

Качество промышленной продукции бытового назначения, выпускаемой в Куйбышевской области, неуклонно снижалось. Так, многие предприятия за период 1986-1988 гг. были лишены права маркировать свои товары знаками высшей категории качества: это относилось к продукции производственного объединения «Волгамебель», завода «Рейд», Куйбышевского завода бытовой химии, завода «Прогресс», завода «Стройфарфор» и других. Это часто приводило к тому, что население и вовсе отказывалось от покупки продукции по причине низкого качества таковой: например, детских колясок, выпускавшихся заводом «Прогресс». Тяжело было «достать» и строительные материалы [З, оп. 197, д. 134, л. 7].

Таким образом, дефицит товаров народного потребления был характерной чертой быта куйбышевцев в конце 1980-х гг., накладывавшей свой отпечаток практически на все стороны их повседневной жизни.

Библиографический список

1. *Власенко И.А.* Функционирование жилищно-коммунального хозяйства городов Среднего Поволжья в 1960-1980-е гг. // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2011. №8. С. 144-150.
2. *Гущин А.А.* Жалобы и обращения граждан по жилищно-бытовым вопросам как элемент повседневности советского общества в 1950-1980-х гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. №1. С. 78-88.
3. Самарский областной архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656.

**РАБОТА С ОБРАЩЕНИЯМИ НАСЕЛЕНИЯ
ГЛАВЫ АДМИНИСТРАЦИИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
КАК ФОРМА ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГГ.**

В статье на основе архивных документов рассматривается работа главы администрации Самарской области К.А. Титова с обращениями и письмами граждан в первой половине 1990-х гг. Описываются основные проблемы, с которыми столкнулось население Самарской области при переходе к рыночным отношениям. Автор приходит к выводу, что работа с обращениями граждан позволяла органам исполнительной власти региона прорабатывать и принимать решения по оказанию реальной помощи людям в соблюдении их законных прав и интересов.

Ключевые слова: письма и обращения граждан, К.А. Титов, В.И. Косенко, Самарская область, глава администрации.

огласно статье 20 Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой 22 ноября 1991 года Верховным Советом РСФСР, за каждым гражданином Российской Федерации закреплялось «право направлять личные и коллективные обращения в государственные органы и должностным лицам, которые в пределах своей компетенции обязаны рассмотреть эти обращения, принять по ним решения и дать мотивированный ответ в установленный законом срок» [1, оп. 1, д. 2, л. 236]. Это право также было закреплено в статье 33 Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года [2, с. 109].

Обращения и письма жителей Самарской области в органы исполнительной власти в первой половине 1990-х гг. касались аспектов повседневной жизни, социальных проблем в процессе перехода к рыночным отношениям. Поэтому важно обратиться к вопросу о работе главы администрации Самарской области К.А. Титова с обращениями граждан, что способствовало установлению диалога между государственной властью и населением, а также позволяло своевременно реагировать на изменение общественных настроений. В качестве источников были использованы архивные документы: информационные записки начальника отдела писем и приема граждан администрации Самарской области В.И. Косенко об итогах работы отдела с 1992 по 1996 гг. [3].

В 1992 году жители Самарской области чаще всего обращались в областную администрацию по следующим вопросам: жилищным (3180 обращений), социальной защиты (1345), обеспечения продовольствием и промышленными товарами (1185), труда и заработной платы (535), выделения земли (573), коммунального хозяйства (562). Наиболее острой оставалась жилищная проблема: ремонт и приватизация жилых помещений, выделение денежных ссуд и стройматериалов для индивидуального строительства, проживание в ветхих и аварийных домах [3, оп. 1, д. 32, л. 2-3]. Исходя из обращений,

* © Абрашкин С.Н., 2023

Абрашкин Сергей Николаевич (abrashckin.ser@yandex.ru), соискатель кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П.Королёва

администрацией Самарской области было учтено немало замечаний и предложений жителей при разработке ежеквартальных программ по социальной защите населения (льготы на проезд в различных видах транспорта, по оплате лекарств и жилья, установка и пользование телефоном, обеспечение бесплатным питанием) [3, оп. 1, д. 32, л. 4].

В 1993 году количество обращений было обусловлено прежде всего социально-экономическими процессами, происходившими в стране. Жилищные вопросы оставались доминирующими из-за значительного сокращения объемов строительства и ввода жилья, высоких цен на кооперативное и индивидуальное жилищное строительство [3, оп. 1, д. 89, л. 2]. Возросло количество обращений по проблемам социальной защиты и обеспечения населения. Перерасчеты и задержки в выплате пенсий, пособий и заработной платы особенно негативно воспринимались людьми в условиях роста цен и инфляции. Обесценивание денежных вкладов привело к тому, что все чаще появлялись тревожные письма об отсутствии средств на организацию похорон. В ответ на данные обращения администрацией Самарской области была принята программа поддержки населения на 1994 год, в которой предусматривалась выплата государственного пособия на погребение из средств местного бюджета в объеме 2 минимальных размеров заработной платы. Много письменных и устных обращений касались неудовлетворительного обеспечения лечебных учреждений медикаментами, реорганизации аптечной системы. Люди жаловались на невозможность приобретения лекарств по льготным и бесплатным рецептам при их наличии в аптеках. Администрацией Самарской области с учетом сложившейся обстановки было принято постановление «О целевой программе совершенствования лекарственного обеспечения населения области» [3, оп. 1, д. 89, л. 5-6].

В записке по итогам работы за 1994 год начальник отдела писем и приема граждан администрации Самарской области В.И. Косенко рекомендовала повысить ответственность должностных лиц за качественное и своевременное рассмотрение письменных и устных обращений [3, оп. 1, д. 163, л. 7]. Ознакомившись с рекомендациями, глава администрации Самарской области К.А. Титов отмечал, что необходимо значительно улучшить практику работы с обращениями, кардинально изменить стиль работы государственных служащих на всех уровнях исполнительной вертикали, принять меры по искоренению бюрократизма, бездушного отношения к насущным проблемам населения [3, оп. 1, д. 163, л. 1].

На протяжении 1995 года в связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне увеличилось количество обращений от инвалидов и участников войны с просьбами об улучшении жилищных условий, ремонте жилья и установке телефонов. В соответствии с планом мероприятий по подготовке к юбилею Победы администрацией Самарской области было принято постановление «Об обеспечении жилыми помещениями инвалидов и участников Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих» [3, оп. 1, д. 231, л. 5].

В 1996 году в письмах и обращениях жители области выражали свое отношение к выборам президента Российской Федерации и губернатора Самарской области, однако большая часть писем на предвыборную тематику носила ярко выраженную социальную направленность. В течение всего года поступали тревожные сигналы практически из всех городов и районов региона о задержках в выплате заработной платы, пособий, стипендий, компенсаций участникам ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. По-прежнему жилищная проблема оставалась самой острой: поступали жалобы о неудовлетворительном содержании жилого фонда, как муниципального, так и ведомственного [3, оп. 1, д. 300, л. 2]. Имели место обращения о неполучении детских пособий. Для решения данной проблемы администрация Самарской области выступила с инициативой создания на территории региона

единой системы выплаты государственных пособий через органы социальной защиты [З, оп. 1, д. 300, л. 4].

Таким образом, проанализировав информационные записки начальника отдела писем и приема граждан администрации Самарской области, можно прийти к следующему выводу: в письмах и обращениях граждане высказывали свое мнение о происходящих в стране политических и экономических событиях, вносили предложения об изменениях действующего законодательства, просили органы исполнительной власти оказать содействие в решении своих личных проблем. Работая с обращениями и письмами, глава администрации Самарской области К.А. Титов имел возможность выявлять отношение различных слоев населения к проводимым реформам, обобщать позитивный опыт, а также оперативно учитывать недостатки для принятия соответствующих управленческих решений.

Библиографический список

1. Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 7. Коллекция «Документы Канцелярии Президента РФ из Архива Президента Российской Федерации» (1991-2000).
2. Матвеева О.Ю., Моор Э.И. Нормативно-правовые основы работы с обращениями граждан в Российской Федерации // Экономика и социум. 2014. № 2. С. 109-113.
3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-5140. Администрация Самарской области, г. Самара.

**«ВЫСОЦКИЙ ДЛЯ МЕНЯ КАК БЫЛ НА ПЕРВОМ МЕСТЕ,
ТАК И ОСТАЁТСЯ»: КОНСТАНТИН ТИТОВ О ТВОРЧЕСТВЕ
ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО И ГМК-62**

В статье представлено интервью автора с экс-губернатором Самарской области Константином Титовым. В интервью затронуты вопросы деятельности ГМК-62 в г. Куйбышеве и членстве интервьюируемого в нём, организации концертов Владимира Высоцкого в Куйбышеве, личное отношение К.А. Титова к поэту. Также рассматривается проблематика песен Высоцкого и его место в современном социокультурном пространстве города и сознании народа.

Ключевые слова: Константин Титов, Владимир Высоцкий, ГМК-62, бардовская песня, Куйбышев, Самара, историческая память, устная история, социокультурное пространство.

Город Куйбышев сыграл важную роль в концертной деятельности Владимира Высоцкого, поскольку именно на волжской земле прошли его первые массовые концерты, собравшие по несколько тысяч человек; два концерта подряд, состоявшиеся 29 ноября 1967 года, произвели фурор, а на следующий день Высоцкий экспромтом выступил в Политехническом институте. Организовывал концерты Высоцкого в Куйбышеве Городской молодежный клуб ГМК-62. Сегодня благодаря членам этого клуба, а также их сподвижникам в Самарском городском пространстве популяризуется творчество В. Высоцкого, а в топонимике города имя поэта увековечено в названии улицы, сквера и нескольких памятников.

Целью данной работы является исследование устных исторических источников в рамках истории памяти о выступлении Владимира Высоцкого в Куйбышеве в 1967 году. Воспоминания непосредственных участников событий, относящиеся к устным историческим источникам, особо ценны в контексте изучаемой проблематики, а именно отношения к Владимиру Высоцкому тех людей, которые пересекались с поэтом, общались с ним и организовывали его выступления.

Константин Алексеевич Титов – почётный гражданин Самарской области, председатель Куйбышевского городского Совета народных депутатов (1990-1991) и губернатор Самарской области (1991-2007), член Городского молодёжного клуба (ГМК-62). Именно при губернаторе Титове в Самаре появился сквер имени Владимира Высоцкого, улица Высоцкого, частный Центр-музей творческого наследия В. Высоцкого; были установлены памятная стела в сквере имени Владимира Высоцкого, бронзовый бюст Владимира Высоцкого в Доме культуры им. Ф.Э. Дзержинского и памятник В.С. Высоцкому работы М.М. Шемякина у Дворца спорта. Своими воспомина-

* © Николаев С.В., 2023

Николаев Сергей Владимирович (sergey.nikolaev99@yandex.ru), аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П.Королева; старший научный сотрудник Центра изучения книжной культуры отдела редких книг, Самарская областная универсальная научная библиотека

ниями о ГМК-62, дискуссионном клубе «Колокол», организации концертов бардов и В. Высоцкого, а также о своём личном отношении к Владимиру Высоцкому и месту личности поэта в истории страны поделился с нами Константин Алексеевич.

Источниковая база исследования состоит из личного интервью К.А. Титова, тематических выпусков журнала «Самарские судьбы», где опубликованы записи бесед с К.А. Титовым [4, 5] и воспоминаний В.А. Добрусина [2], а также кинокартины «Такая позиция» [6] из цикла фильмов про почётных граждан Самарской области. Историографическая база основывается на критических работах [1] и краеведческих изданиях [3], в которых затрагиваются как ранее опубликованные воспоминания К.А. Титова, так и биографические сведения, и факты из его профессиональной деятельности.

Сергей Николаев: Константин Алексеевич, хотелось бы начать с деятельности ГМК-62, а точнее, поговорить о Вашем членстве в клубе. Много уже изложено про ГМК в Ваших воспоминаниях в «Самарских судьбах» и различных интервью, но короткая справка необходима. Скажите, Вы пришли в ГМК сразу после его создания или спустя какое-то время?

Константин Титов: В ГМК я пришёл не сразу, а когда уже учился в авиационном институте, это был 1966 год. Пришёл я туда под влиянием моих друзей, сокурсников Анатолия Белова и Михаила Александрова. С Михаилом мы учились в одной группе, а с Анатолием – в параллельной. Вместе с ними я пару раз ходил в клуб, мне понравилось, и я решил в свободное время от учёбы и спорта приходить туда и проводить время в интересной компании, среди образованных и интеллектуальных людей. Мне это общество нравилось, обсуждали различные темы, это было интересно.

С.Н.: Вы пришли в ГМК целенаправленно в какую-то секцию? Это сразу был дискуссионный клуб «Колокол»?

К.Т.: Я записался с удовольствием в школу танцев к Владимиру Калачкину, студенту нашего авиационного института, который ей руководил. Потом попал в «Колокол», мне понравилось: живая дискуссия, люди спокойно разговаривают. И я закрепился в ГМК в дискуссионном клубе. Мне очень нравилось посещать концерты бардовской песни, в то время к нам приезжали и Кукин, и Клячкин. Концерты организовывали Всеволод Ханчин и Артур Щербак.

С.Н.: Высоцкого тогда на пятилетие клуба пригласили?

К.Т.: Да. В 1967 году пригласили Высоцкого, он приехал. Я тогда попал на концерты и в первый его приезд, и во второй. Помню его первый приезд. В Молодёжном клубе после заседания правления он выходит, подходит ко мне и спрашивает: «Слушай, у тебя таблетки есть от головной боли?», я ему ответил: «Нет, но я могу в аптеку сбежать», но Высоцкий отказался. Мы считались вторым эшелонем Молодёжного клуба, более молодыми, первыми тогда считались Ханчин, Щербак, Климов и другие, мы были рядовыми членами и занимались распространением билетов на концерт Высоцкого во Дворец спорта. Билеты были недешёвые, но они расходились как горячие пирожки. Тогда и мы получили по билету на этот концерт. Сидели мы сбоку, но всё равно впечатления от концерта остались сильные.

С.Н.: Ваши представления о Высоцком после первых концертов барда как-то поменялись?

К.Т.: Я и до концерта считал, что Высоцкий замечательный поэт, как исполнитель он специфический. Мы же можем сказать с Вами, что есть много зарубежных исполнителей, которые являются звёздами эстрады мировой музыки, но они многие и голоса особо не имеют. Но поют с душой, людям нравится, тембр нравится. Среди наших российских мы можем привести в пример Леонида Осиповича Утёсова, который сам говорил: «Я пою не

голосом – я пою сердцем», или, например, Марка Бернеса. Поэтому у меня не было сомнения по Высоцкому, что это поэт и исполнитель, но что он артист – у меня представления не было. Но наступило второе отделение концерта, и началось оно прочтением Высоцким монолога Хлопуши из поэмы С. Есенина «Емельян Пугачев». И меня, конечно, покорила его отдача! Он жил как Хлопуша на сцене. И тогда я понял, что это великий артист. Но, с другой стороны, я всё-таки подумал, что его прочтение с надрывом – это больше эстрадная манера. Тогда я приложил усилия и нашёл виниловую пластинку Сергея Есенина, на которой он сам читает свои стихи, на ней был записан монолог Хлопуши. И Вы знаете [*– обращение к автору*], даже интонации как у Высоцкого. К тому же сам Никита Высоцкий рассказывал мне, что Владимир Семёнович слушал Есенина и старался перенять этот образ. И тогда я понял, что это действительно талантливый артист.

С.Н.: Я думаю, что Вашу мысль прекрасно отражает как раз тот памятник, этакая многосюжетная скульптура, отражающая внутренний актёрский мир Владимира Высоцкого, которая сейчас стоит у нового Дворца спорта, кстати, названного в 2022 году в честь поэта.

К.Т.: Как-то Михаил Шемякин сказал мне: «Я хотел поставить памятник Высоцкому в Москве, те, что есть, не отдают позицию Высоцкого». Я ему предложил поставить памятник в Самаре, он согласился, и в 2007 году у Дворца спорта мы его открыли. Я ему благодарен.

С.Н.: В «Самарских судьбах» Виталия Добрусина Вы составили свой авторский рейтинг бардов, которые Вам наиболее близки, на первом месте в этом рейтинге стоял Высоцкий, на втором Окуджава и на третьем Галич. Скажите, чем обусловлен такой рейтинг? Может, кто-то вытеснился из него и в этой тройке место заняло другое великое имя?

К.Т.: Пожалуй, Галич на втором месте, Окуджава на третьем. Высоцкий как был на первом месте, так и остаётся. Но вообще в подобном контексте трудно говорить о каком-то рейтинге, ведь есть, например, ещё Городницкий и другие хорошие исполнители.

С.Н.: Поговорим о мифах, а именно о народном мифотворчестве. Вокруг концертов Высоцкого в Куйбышеве появилось множество мифов и легенд. Сам я столкнулся с тем, что некоторые люди пытаются сделать себя участниками тех событий. В частности, множеством легенд обросло небольшое выступление Высоцкого в помещении клуба ГМК 24 мая 1967 года. На этом незапланированном выступлении было чуть больше 10 человек, при этом появляются люди, которые абсолютно точно не были на этом выступлении, но которые утверждают обратное, при этом путаясь как в продолжительности самого выступления, так и в месторасположении клуба. Как человек, который был на всех концертах Высоцкого в нашем городе и на выступлении в ГМК в частности, что Вы думаете по поводу таких людей? Может ли быть такое, что спустя столько лет эти люди сами поверили в то, что были на этом концерте?

К.Т.: На выступлении в ГМК было человек 20-25, помимо членов клуба, пригласили тех, кто был близок к управлению. Есть фотографии, есть описания, воспоминания Климова, Володи Наганова, по ним можно ориентироваться.

С.Н.: Может, таким мифотворчеством люди пытаются себя приобщить к тем событиям, рассказывая, что были на локальном и, можно сказать, закрытом мероприятии?

К.Т.: Может быть, да, но это, конечно, неправильно.

С.Н.: Относительно науки и места творчества Высоцкого в ней. Я смотрю на эту проблему в первую очередь как историк. Историк Рогачёв из Красноярска, написавший монографию «Владимир Высоцкий как гражданский историк нашего Отечества», рассматривал Высоцкого как поэта, который в своём творчестве отразил историю своей страны, даже того времени, в котором он не жил. Это наталкивает меня на мысль о том, что некоторые песни Высоцкого, которые раньше, а именно в рамках советской

действительности, считались остросоциальными или сатирическими, сегодня можно выделить в категорию песен, в которой зафиксирована историческая память. Их политическая острота ушла, а многие сатирические моменты в сочинениях были подвёрстаны под политическую конъюнктуру, но ушедшая эпоха зафиксирована в них в мельчайших подробностях. Как Вы считаете, на Ваш взгляд, есть ли какие-то стихотворения Высоцкого, на которые стоит сегодня обратить внимание в этом контексте?

К.Т.: Я бы обратил внимание на военные песни Высоцкого. Это стопроцентная зарисовка Великой Отечественной войны, при этом сам поэт не был участником боёв. Но сочинения Высоцкого точные, глубокие и серьёзные. В них отражено всё: удаль и геройство наших солдат, но в них отражена и позиция политики, например, «Штрафные батальоны» – ведь это же тоже наша история. Послевоенная действительность в творчестве Высоцкого тоже отражена, в рамках зарисовки описано, что всё это было в нашей жизни, это не вымысел.

С.Н.: Хочу спросить о творчестве Высоцкого в наше время. Сегодня деятельность по популяризации творчества Высоцкого в Самаре проводит общественный фонд «Центр В. Высоцкого в Самаре» и лично Михаил Трифонов, который вносит в это дело огромный вклад. Совместно с Центром Высоцкого в Самаре и учёными Самарского университета имени С.П. Королёва в областной библиотеке состоялся круглый стол к 85-летию Владимира Высоцкого в январе 2023 года, поэтому можно сказать, что Центр заинтересован в научном продвижении темы Высоцкого конкретно в нашем городе. Как лично Вы относитесь к деятельности Центра Высоцкого в нашем городе?

К.Т.: С Михаилом Трифоновым мы давно знакомы. Это человек, который посвятил себя этому делу, посвятил себя творчеству Высоцкого. Он же и организовал музей. Я хочу сказать, что основная заслуга Михаила не только в развитии популярности Высоцкого, но и памяти о нём, ведь он организовал целое общество, в которое входят и члены Городского молодёжного клуба. Появились сквер Высоцкого, улица, несколько памятников, он собрал колоссальные материалы. Это человек, который бесконечно влюблён в творчество Высоцкого, понимающий творчество Высоцкого. Михаил придал определённую публичность этой теме, он сделал календарные позиции, дни рождения и дни смерти Высоцкого, а именно вечера памяти и другие памятные даты, например, первый приезд Высоцкого в Куйбышев 24 мая. В контексте сохранения памяти о Высоцком в Самаре скажу о Дмитрие Евгеньевиче Быкове, ректоре Технического университета, который организовал мемориальную доску у актового зала, где состоялся концерт Высоцкого 30 ноября 67 года. Замечательный человек, он действительно пытается в университете увековечить память о том, что в институте был Высоцкий.

С.Н.: Константин Алексеевич, сегодня Владимира Высоцкого очень часто цитируют в народе, я отметил для себя, что Вы сами в различных интервью вспоминаете строки из стихотворений Высоцкого, цитируете его. Как Вы считаете, стали ли стихотворения Высоцкого восприниматься сегодня как часть народной культуры?

К.Т.: Понимаете, мы же с вами цитируем Пушкина тоже, Маяковского. Маяковский действительно талантливый поэт, он совершенно другой поэт, это не Некрасов и не Андрей Белый. Также и Высоцкий. Он поэт. Когда мне говорят «какой он поэт?», я всегда привожу в пример его строки: «Отражается небо в лесу, как в воде, – и деревья стоят голубые». Здесь всё, соблюдены литературные приёмы. Это надо уловить, что Высоцкому как поэту удалось. Поэтому да, Высоцкого цитируют, при этом подчёркивают, что это цитата Высоцкого. Это как раз и говорит о том, что его творчество было близко народу и таковым остаётся и сегодня.

С.Н.: Благодарю Вас, Константин Алексеевич, за честный разговор и развёрнутые ответы!

Интервью записано 26 апреля 2023 года.

Таким образом, важнейшим источником для изучения коммемораций, исторической памяти о Владимире Высоцком являются личные интервью. Константин Титов, видевший Владимира Высоцкого на сцене несколько раз и пообщавшись с ним, составил свой психологический образ поэта. Данные воспоминания, собранные по крупицам, помогают сформулировать некий общий образ Владимира Высоцкого в социокультурном пространстве, который много лет складывался в нашей стране и ныне продолжает свою трансформацию.

Библиографический список

1. *Абрашкин С.Н.* Рецензия на воспоминания губернатора Самарской области Константина Алексеевича Титова в журнале «Самарские судьбы». Самара, 2019. № 9 // Вестник Самарского университета: История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 4. С. 198-201.
2. *Добрусин В.А.* Дневник самарского блогера. Самара: Добрусич, 2021. 383 с.
3. *Имена. Самарская губерния: лица эпохи* / под ред. Л. Матвеевой. Самара: Ассоциация PR, 2002. 136 с.
4. Самарские судьбы / гл. ред. В.А. Добрусин. 2019. № 9 (153). 111 с.
5. Самарские судьбы / гл. ред. В.А. Добрусин. 2021. № 9 (176). 111 с.
6. «Такая позиция». Д/ф / реж. А. Леонтьев; автор сценария М. Перепелкин; директор фильма П. Сухова. Поволжский историко-культурный фонд, Самара, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнале «Самарский земский сборник» публикуются обзорные и оригинальные статьи по историческим наукам, а также краткие научные сообщения и рецензии.

Требования к оформлению статей

Статья, предоставляемая для публикации, должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана.

1. Перед статьей указывается **код УДК**. Его можно определить, в частности, на сайте <http://www.naukapro.ru/metod.htm> и др.

2. После указания авторов статьи дается сноска, в которой должны содержаться фамилия, имя, отчество авторов (полностью), ученая степень, полное название организации – места работы исследователя, адрес электронной почты и телефон для связи с авторами.

3. После названия статьи дается краткая **аннотация** (3-4 строки) и 3-6 **ключевых слов/словосочетаний** (отделяются друг от друга точкой с запятой).

4. Завершает статью **библиографический список** (т.е. алфавитный перечень всех работ, на которые в статье даются ссылки), оформленный в соответствии с ГОСТ 7.05-2008, с которым можно ознакомиться по электронному адресу: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=165614>

5. При использовании Интернет-ресурсов желательно ставить название сайта / сетевого ресурса.

6. **Ссылки в тексте** на упомянутые в библиографическом списке труды оформляются в квадратных скобках [1]; [1; 2], при необходимости с указанием страниц: [1, с. 21]; [1, с.21; 2, с.33].

7. **Ссылки в тексте** на упомянутые в библиографическом списке **архивные фонды** оформляются по следующему принципу: [3, оп.4, д.257, л.86об].

Обязательные параметры электронной версии статьи:

- файл в формате *.doc или *.rtf;
- объем статьи – не более 4 страниц, включая аннотацию и библиографию;
- поля: 2 см с каждой стороны;
- абзацный отступ – 1 см;
- межстрочный интервал – 1,5;
- шрифт Times New Roman; размер основного текста – 14, сносок – 12, аннотации и ключевых слов – 12.

Библиографический список в конце статьи:

- в список помещаются только те работы или архивные фонды, на которые есть ссылки в тексте;
- список составляется **в алфавитном порядке**.

Статьи просим направлять на имя ответственного секретаря издания Леонтьевой Ольги Борисовны по электронному адресу: oleontieva@yandex.ru

Образец оформления статьи

УДК..

Инициалы, фамилия***НАЗВАНИЕ СТАТЬИ**

Аннотация:

Ключевые слова:

Текст статьи [1, с.21]... [1; 2]... [1, с. 23; 2, с. 14]... [3, оп.4, д.257, л.86об].

Библиографический список

1. Гуревич А.Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004. 288 с.
2. Данилевский И.Н. Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 119-132.
3. Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории. 1982. № 1. С.18-35.
4. Реброва И.В. Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект (на материалах Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 22 с.
5. Репина Л.П. От истории империи к истории Британских островов, или Как писать национальную историю в мультикультурном обществе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 10 (33) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000848-1-1>
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 470.
7. РГИА. Ф. 777.
8. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.150.
9. ЦГАСО. Ф.153.

* ФИО (полностью), ученая степень, место работы, должность, e-mail, телефон